

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА *).

И такъ, въ каретъ Тосканскаго почтоваго курьера я достигъ до Болоньи, но не засталъ уже нѣсколькими часами дилижанса прямого направленія въ Вѣну, чрезъ Сѣверовосточную Ломбардію, Стирію и Каринтію (отправлявшагося чуть-ли не разъ только въ педѣлю), и потому предпочелъ, вмѣсто того чтобы просидѣть нѣсколько дней понапрасну въ Болоньи, взять мѣсто въ другомъ дилижансѣ, имѣвшемъ отбыть на третій день въ Вѣну, хотя съ крюкомъ на Тирольскіе города Инсбрукъ и Зальцбургъ, а оттуда на Линцъ. Утомительно-медленная ѣзда тяжелаго, какъ его соотечественники, Нѣмецкаго дилижанса, двигавшагося по одной Нѣмецкой миліи (8 верстъ) въ часъ, клонила меня къ размышленіямъ всякаго рода. Помню, что пока свѣтила еще та самая луна, нарожденіе коей началось, когда я находился въ семейномъ своемъ кругу, мнѣ казалось, что я несовсѣмъ былъ еще оторванъ отъ него и какъ будто-бы онъ былъ не далече отъ меня. Не разъ говорено уже, что я мечтатель и впечатлительнъ черезчуръ. На пятыя лишь сутки, помнится мнѣ, мы добрались до Вѣны, гдѣ я пробылъ три дня и обѣдалъ разъ у Д. П. Татищева. Онъ любезно весьма обошелся со мною и показывалъ мнѣ свою картинную галерею, собранную преимущественно въ бытность его министромъ при Мадридскомъ дворѣ и имъ завѣщанную Императорскому Эрмитажу. Изъ Вѣны я впервые въ жизни прокатился по желѣзной дорогѣ до города Брюна, всего три или четыре часа ѣзды; а изъ Брюна до Львова и доѣхалъ опять въ медленно подвигавшемся дилижансѣ; но тамъ прекращалась для меня дальнѣйшая ѣзда въ сносномъ экипажѣ. Въ Радзивиловѣ я пересѣлъ на родимую перекладную и, проскакавъ на ней не менѣе двухъ дней и двухъ ночей безъ остановки, добрался до Кіева, съ разбитыми буквально костями, и пролежалъ тамъ безъ всякой болѣзни, первое время послѣ моего пріѣзда. За исключеніемъ двухъ дней, проведенныхъ въ Болоньи въ ожиданіи дилижанса, трехъ дней

*) См. выше, стр. 180 (по ошибкѣ на сорокъ 10-го выпуска означено 280).

въ Вѣнѣ и одного дня во Львовѣ, я совершилъ проѣздъ изъ Флоренціи до Кіева на четырнадцатый день: скорость, показавшаяся Кіевскимъ моимъ знакомымъ баснословною. вмѣсто графа А. Д. Гурьева, генераль-губернаторомъ былъ уже Дмитрій Гавриловичъ Вибииковъ, коего я счелъ обязанностію посѣтить, хотя не былъ никогда знакомъ съ нимъ. вмѣсто умершаго преосв. Евгенія, митрополитомъ былъ Филаретъ, а вмѣсто викарнаго, хорошаго моего знакомаго Владимира (уже бывшаго тогда Костромскимъ епископомъ), знаменитый проповѣдникъ Пиннокентій. Посѣвшиль я повидаться со всѣми прежними Кіевскими нашими друзьями. Таковыми именно могу я ихъ назвать. Первою изъ нихъ была Екатерина Дмитриевна Голубцова ¹⁾; но какая-то грусть завладѣла мною при воспоминаніи о столь весело проведенномъ тамъ времени съ моею женою, и когда я отправился отслужить молебень въ Михаилоархангельскій соборъ, гдѣ мы вмѣстѣ бывали по воскреснымъ днямъ на архіерейской службѣ преосв. Владимира, я не могъ удержаться отъ слезъ. Добродушный іеромонахъ, служившій заказанный мною молебень, котораго я сразу узналъ, какъ бывшаго протодіакона викарнаго архіерея, замѣтивъ мое смущеніе, спросилъ съ участіемъ, не случилось ли со мною какого-нибудь несчастія. Повторяю, что, вопреки моей вѣтренности, чувства мои къ женѣ были тогда любовничьими.

Мои знакомые нашли мнѣ попутчика. Это былъ весьма пріятный господинъ, фамиліи коего не помню, пріѣхавшій въ Кіевъ для опредѣленія своего сына въ тамошній университетъ. Онъ предложилъ мнѣ мѣсто въ своей кибиткѣ, а прогоны мы платили пополамъ. Это было въ началѣ Ноября; осень была безснѣжная, и телѣжная на колесахъ вѣзда до того меня растрясла, что я разстался въ Орлѣ съ своимъ попутчикомъ: онъ продолжалъ свой путь въ Москву, а я пожелалъ отдохнуть два-три дня въ Орлѣ, гдѣ шурина мой, Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ, былъ тогда уѣзднымъ предводителемъ, хотя ему было отъ роду только 24 года. Изъ Орла я опять пустился на перекладной, черезъ Болховъ, Козельскъ и Калугу и такъ добрался до села Знаменскаго. Въ Козельскѣ я остановился на нѣсколько часовъ, повидаться съ старымъ моимъ знакомымъ Федоромъ Ивановичемъ Ивановымъ, тогда учителемъ (или чуть-ли уже не смотрителемъ) Козельскаго уѣзднаго училища ²⁾. Онъ, въ бытность свою учителемъ Русскаго языка

¹⁾ Нынѣ она начальницею тамошняго Института благородныхъ дѣвицъ.

²⁾ Достойный этотъ старецъ, бывшій впоследствии смотрителемъ Перемышльскаго уѣзднаго училища, отдыхаетъ нынѣ на лаврахъ двухъ выслуженныхъ имъ пенсіонеровъ. Во время службы своей въ Козельскѣ онъ сумѣлъ приобрести дружеское къ себѣ расположеніе семейства тамошняго помѣщика Сергѣя Николаевича Кашкина.

въ Тарускомъ уѣздномъ училищѣ, въ началѣ 30-хъ годовъ, хаживалъ въ Знаменское для уроковъ обоимъ дѣтямъ Е. П. Нарышкиной, въ домъ коей онъ сдѣлался близкимъ лицомъ, благодаря веселому и уживчивому своему нраву: ѣзжалъ съ нами верхомъ, помогалъ О. А. Тридону устраивать фейерверки и былъ всеми нами любимъ. Какъ человѣкъ, слѣдившій за всемъ современнымъ въ литературѣ и отчасти въ наукѣ, насколько допускали это тѣсная рамка его дѣятельности и его средства, онъ, обрадованный моимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, не умолкалъ въ распросахъ о всемъ видѣнномъ мною за границею, какъ вдругъ подошелъ ко мнѣ одинъ изъ его педагогическихъ товарищей, типъ семинарскаго свѣжевыпущенника, и какъ холодильникъ на нашъ оживленный разговоръ, съ эмфазисомъ произнесъ: «А позвольте васъ спросить» (т. е. меня), «какая причина заставила васъ путешествовать?» Мы оба фыркнули при этихъ словахъ...

Какъ ни рада была теща моему возвращенію, но я нашелъ ее въ такомъ же тревожномъ состояніи, въ какомъ былъ и я отъ слуховъ о неудачномъ Бородинскомъ предпріятіи. Я сейчасъ извѣстилъ Леона о моемъ прибытіи въ Знаменское, и онъ не замедлилъ прислать ко мнѣ довѣреннаго своего. Это былъ Полякъ докторъ Турчинскій*); а между тѣмъ преданный мнѣ Радзиковскій (уже хозяинъ кондитерскаго заведенія подъ Новинскимъ) случайно узнавшій о моемъ возвращеніи, также прискакалъ ко мнѣ туда, но безъ вѣдома Леона, которому онъ никогда не сочувствовалъ. И тотъ и другой звали меня скорѣе въ Москву; но Станиславъ Флоріановичъ Турчинскій успокаивалъ меня на счетъ моихъ дѣлъ тѣмъ, что Леонъ можетъ еще, пожалуй, вернуться изъ этой путаницы, тогда какъ, напротивъ, Радзиковскій представлялъ дѣла въ настоящемъ ихъ видѣ. Я былъ крайне затрудненъ, кому изъ двухъ повѣрить; но загадка должна была вскорѣ разрѣшиться въ Москвѣ, куда я не замедлилъ отправиться съ Турчинскимъ, соблюдая инкогнито, по случаю предъявленныхъ уже на меня исковъ.

Здѣсь приходится сдѣлать новое отступленіе отъ нити разсказа и прежде чѣмъ коснуться печальнаго исхода Бородинскаго предпріятія, изложить мимоходомъ о случившемся около того времени въ Знаменскомъ.

Обветшалой Знаменской церкви, числившейся тогда приходскою с. Игнатовскаго и деревни Слещевки, угрожало паденіемъ: а исправить ее невозможно было иначе, какъ, разобравъ ее всю до основа-

*) Онъ былъ врачомъ у меня въ с. Поранъ съ 1835 по 1839 годъ.

нія, заново перестроить; но на это не хватало у г-жи Нарышкиной денежных средств, да и кроме того, по существовавшим тогда правилам о сельских церквах, допускались лишь нѣкоторыя поправки въ обветшалыхъ деревянныхъ церквахъ, но отнюдь не перестройки ихъ заново. Весь преданный Нарышкинскому семейству, О. А. Тридонъ, управлявшій Знаменскимъ въ отсутствіе въ Италію владѣлицы онаго, обратился тогда къ Калужскому архіерею Николаю съ просьбою о выдачѣ ему указа на поправку церкви. Преосвященный хорошо зналъ и любилъ Осипа Августиновича за его всегдашнюю откровенность, прямоту сужденій и челоуѣколюбивое направленіе, и достойнаго этого іерарха потѣшала, можетъ быть, безцеремонность обращенія нашего Француза со всѣми вообще, а въ томъ числѣ и съ нимъ самимъ. Живой во всѣхъ своихъ приемахъ, Осипъ Августиновичъ безразборчиво относился къ своему сановному собесѣднику на Французскомъ языкѣ, нимало не заботясь, знаетъ ли владыко это нарѣчіе, что впрочемъ вошло у него въ привычку, и онъ тоже самое дѣлалъ съ другими знакомыми ему лицамъ. Но на сей разъ оказалось, что преосв. Николай, хотя не практически, но научно зналъ этотъ языкъ, а отвѣчалъ по-русски. Въ своей же Французской фразеологіи, г. Тридонъ хотя величалъ (кажется) Русскаго іерарха по принятому титулу «votre éminence»*) и «monseigneur», но переходя въ пылу разговора на Русское нарѣчіе, въ которомъ онъ никогда не отличался, вмѣсто употребленія многосложнаго титула «ваше преосвященство», Французъ нашъ сбивался на болѣе сокращенное «вы батюшка», чѣмъ однакоже почтешный и умный іерархъ нисколько не обижался. Тутъ случился въ дѣлѣ о перестройкѣ церкви будто-бы слѣдующій куріозъ, слышанный мною не помню отъ кого, и потому я передаю его, не ручаясь за его достовѣрность. Когда, наконецъ, ревностный нашъ храмоздатель добился до желаемаго и въ одно изъ посѣщеній своихъ Калужскаго архіпаствыра былъ встрѣченъ привѣтствіемъ: «Ну, любезнѣйшій мой Осипъ Августиновичъ, я исполнилъ ваше желаніе и далъ предложеніе консисторіи о разрѣшеніи поправокъ въ вашей церкви; теперь потрудитесь сходить сами въ консисторію за полученіемъ указа по этому дѣлу, вспыльчивый нашъ Французъ не выдержалъ. «Какъ, батюшка» возразилъ онъ: «чтобы я пошелъ къ этимъ разбойникамъ? Да ип за что на свѣтѣ, а потрудитесь сами выслать къ намъ вашъ указъ». Услышавъ это, добрый архіерей разразился хохотомъ и, подозревая

*) Это не совсемъ даже правильно: „Votre éminence“ говорится однимъ кардиналамъ и (можетъ быть) архіепископамъ, а къ простымъ епископамъ, какимъ былъ преосв. Николай, во Франціи отnoseтся съ титуломъ „votre grandeur“.

(будто-бы) къ себѣ одного изъ находившихся тутъ случайно городскихъ протопоповъ, который былъ членомъ консисторіи, сказалъ ему: «Подойди-ка сюда поближе, да послушай, какъ васъ честятъ»¹⁾. Но прежде, чѣмъ продолжать рассказъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Осипа Августиновича, нужно упомянуть, что денежными пожертвованіями отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и отъ меня чрезъ Леона, въ 1000 р. асс., и шуррина моего Алексѣя Ивановича, онъ собралъ достаточную на эту постройку сумму.

Тридонъ, прискакавъ съ консисторскимъ указомъ въ карманѣ въ Знаменское, гдѣ плотничья артель была у него уже наготовѣ, долго не думая, началъ съ того, что разобралъ весь храмъ до каменнаго фундамента. Тарусское городское духовенство, несочувственно смотрѣвшее на исправленіе приходской церкви (отъ желанія вѣроятно, чтобы она либо была причислена къ ихъ собору, либо вовсе уничтожена²⁾), внимательно слѣдило за дѣйствіями отважнаго строителя и готовилось было (какъ о томъ шли толки) подать протестъ, что Игнатовская церковь не то чтобы исправлялась, а перестраивалась заново до основанія; но къ счастью ея и нашему какой-то мѣстный законовѣдѣцъ шепнулъ Тридону, что если онъ успѣетъ вывести немедля срубъ въ 5 или 6 вѣнцовъ, то ему тогда нечего будетъ опасаться послѣдствій. Сказано, сдѣлано; и какъ Русскому мастеровому почти что нѣтъ ничего невозможнаго при помощи винца, то артель, усиленная вслѣдствіе сего казуса нѣсколькими экстренными плотниками, рор ботавъ весь день и всю лѣтнюю ночь, вывела строеніе къ слѣдующему дню въ размѣрѣ требуемомъ по закону для перестройки и тѣмъ облегчила дальнѣйшее существованіе этой церкви, хотя вслѣдствіе состоявшагося новаго положенія о приходахъ вообще требуется, чтобы таковыя состояли не менѣе какъ изъ 300 душъ. Знаменская приходская церковь, при которой не хватало 100 душъ до этой цифры, причислена была окончательно къ Тарускому Петропавловскому собору, съ тѣмъ однакоже, чтобы изъ трехъ имѣющихся при ономъ причтовъ одинъ ходилъ поочередно служить, по большимъ праздникамъ, въ эту церковь.

Высказавъ въ разныхъ мѣстахъ настоящихъ записокъ всѣ достоинства незабвеннаго нашего друга, я долженъ, ради характеристичности

¹⁾ Преосв. Николай былъ передъ тѣмъ Московскимъ викарнымъ архіереемъ, потомъ Тамбовскимъ и до конца жизни правилъ Калужскою паствою. Въ одинъ изъ его служебныхъ разъѣздовъ по епархіи, въ 1851 году, карета его гдѣ-то опрокинулась, и онъ вскорѣ умеръ отъ ушиба, полученнаго при паденіи.

²⁾ С. Игнатовское (Знаменское) безъ малаго въ двухъ верстахъ отъ Тарусы.

ки его личности, заявить о скорбномъ обстоятельствѣ слабыхъ его религіозныхъ убѣжденій. Хотя не былъ онъ атеистомъ, ни материалистомъ, но, ограничиваясь деизмомъ, раздѣлялъ взглядъ нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ, что «*chacun a de la religion à sa manière*. Тѣмъ не менѣе я не знавалъ человѣка, который бы лучше Тридопа исполнялъ на практикѣ евангельскую заповѣдь о любви ближняго и о подачѣ помощи нуждающему и страдающему, хотя онъ не придавалъ никакого религіознаго значенія таковымъ истинно-добрымъ дѣламъ, совершеннымъ имъ въ теченіе многихъ лѣтъ: дѣлать добро было у него душевною потребностію. И сколько ихъ больныхъ изъ бѣднаго сословія въ самомъ городѣ Тарусѣ и въ округѣ онъ лѣчилъ безвозмездно (я говорилъ уже прежде, что онъ былъ весьма свѣдуецъ въ медицинѣ), снабжая ихъ медикаментами не только безденежно, но и съ придачею иногда собственныхъ денегъ. За то умилительно было въ высшей степени видѣть, какихъ проводовъ удостоились брѣнные его останки*) отъ всего этого бѣднаго люда!

Когда по отиѣваніи въ Тарускомъ соборѣ (что для Римско-католическаго иновѣрца достойный протоіерей Михаилъ Февралевъ счелъ возможнымъ сдѣлать) понесли его тѣло на погостъ, то, не смотря на то, что разстояніе было не болѣе полуверсты, шествіе продолжалось около часу отъ частыхъ остановокъ для просимыхъ жителями литій. А что до нерелигіознаго его направленія, то оно объясняется тѣмъ, что, родившись въ самомъ разгарѣ богохульной Французской революціи, онъ провелъ ранніе свои года къ этой пагубной атмосферѣ; да и на умъ тогдашней молодежи ничего не входило, кромѣ увлеченія военными успѣхамъ Наполеоновскаго оружія. Уповая на Божественное изреченіе, что не всякій взывающій: Господи, Господи! спасется, а творящій Его волю, друзья этого истиннаго филантропа могутъ надѣяться, что безмѣрное милосердіе Всевышняго не оставитъ безъ возмездія столь ревностнаго исполнителя Его закона о любви къ ближнему.

Затѣмъ возвращаюсь къ моимъ приключеніямъ, ибо таковыми можно назвать Бородинскій мой разгромъ.

Такъ какъ изъ словъ Турчинскаго и Радзиговскаго очевидно было, что въ Москвѣ угрожали мнѣ личнымъ арестомъ, то я, пріѣхавъ туда ночью, остановился на нѣсколько часовъ у Ивана Антоновича Кавецкаго, жившаго тогда на Ордынкѣ, противъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ, наискосокъ дома Долговыхъ. Туда не замедлилъ явиться Леонъ и хотя онъ затянулъ ту же успокоительную пѣсню, какъ Турчин-

*) Онъ умеръ въ Декабрѣ 1858 года 64 лѣтъ отъ роду.

скій, и что даже мое присутствіе въ Россіи не было вовсе столь необходимымъ, какъ я воображалъ; однакоже, видя, что онъ и И. А. Кавецкій находили опаснымъ мое пребываніе въ Москвѣ, я сейчасъ же переѣхалъ къ Н. А. Дивову, жившему тогда въ домѣ, на Покровкѣ, доставшемся его женѣ отъ графа Сергѣя Петровича Румянцова ¹⁾, откуда, по общему совѣту, я въ тотъ же день въ сумеркахъ переѣхалъ на Дивовскую подмосковную Зенинскую ферму. По родственному ко мнѣ участію, Николай Адриановичъ отпратился на слѣдующій день къ князю Дмитрію Владимировичу Голицыну извѣстить его о моемъ пріѣздѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ просить о его заступничествѣ въ запутанныхъ Леона дѣлахъ, и князь хотя обѣщался дѣлать все отъ него зависящее, нашелъ однакоже, что для обезпеченія моей личности отъ ареста, мнѣ необходимо глазъ не казать въ Москвѣ. Въ Зенинѣ явился ко мнѣ мой комиссіонеръ по пересылкѣ картинъ, Итальянецъ Наолл. Онъ бранилъ Леона изъ всѣхъ силъ и также досадовалъ на свое бездѣйствіе, пбо картины мои раздавались Леономъ въ долгъ или въ уплату кое-какихъ его долговъ, а чистой денежной выручки никакой не было. Также навѣщали меня тамъ Леонъ и И. А. Кавецкій; оба обнадеживая меня, что дѣла мои не настолькоъ еще въ безвыходномъ положеніи, какъ о томъ шла молва въ публикѣ, и я мало по малу успокоивался и началъ уже подумывать о случаяхъ, гдѣ бы я могъ высказать успѣхи свои въ пѣніи отъ трехлѣтняго пребыванія въ Италіи ²⁾. Въ Зенинѣ я провелъ вдвоемъ съ Н. А. Дивовымъ болѣе мѣсяца, и послѣ нѣсколькихъ совѣщаній съ нимъ, Леономъ и Кавецкимъ, рѣшено было ѣхать мнѣ въ Петербургъ съ спмъ послѣднимъ, чтобы хлопотать въ Комиссаріатскомъ Департаментѣ о какомъ-нибудь облегченіи по подряду продовольствія Московскаго военнаго госпиталя, также взятому Леономъ на мое имя и шедшему столь неудачно, что Московская Комиссаріатская коммисія продолжала операцію на счетъ нашихъ залоговъ.

И такъ, отираздновавши въ Зенинѣ пмянины Дивова (въ зимній Николинъ день), я вскорѣ пустился вдвоемъ съ Кавецкимъ въ Петербургъ. Стужа стояла сильнѣйшая, и потому мы ѣхали не спѣша, останавливаясь каждый день на ночлегъ.

---

¹⁾ Къ сожалѣнію вскорѣ послѣ сего Зинаида Сергѣевна Дивова продала безъ великой особенной нужды этотъ вельможный домъ купцу Усачеву.

²⁾ Естественно, что я поддавался мнѣнію и взглядамъ И. А. Кавецкаго, какъ чловѣка считавшагося авторитетомъ въ нашемъ семействѣ. Онъ не былъ способенъ къ подкупу, и потому непонятно, какъ сумѣлъ Леонъ околдовать его.

Здѣсь считаю умѣстнымъ поговорить о Бородинскомъ нашемъ разгромѣ. Соображаясь съ послѣдствіями, поневолѣ подозреваю я, что эта операція Леону была нужна, дабы въ случаѣ неудачи свалить на нее всѣ прежніе долги и запутанныя свои дѣла, а съ другой стороны дѣйствовало и Русское авось, что пожалуй будетъ и выручка, и по видимому онъ былъ на то, что панъ или пропаль *).

Вотъ какъ все дѣло началось. Графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель (тогда главно-управлявшій департаментомъ путей сообщеній и публичныхъ зданій) вызывалъ «охотниковъ» на постройку помѣщеній для высокихъ особъ, имѣвшихъ присутствовать на Бородинскихъ маневрахъ, въ числѣ отъ 300 до 400 лицъ. Предъявленныя по сему дѣлу денежныя кондиціи разными подрядчиками были отвергнуты въ Петербургѣ, на томъ-де основаній, что казна ничего не даетъ на постройку, а что будетъ платить за занимаемые ею нумера по установленной цѣнѣ: обстоятельство, которое не надо терять изъ виду. На этомъ основаній Леонъ, при всей своей опрометчивости, имѣлъ право, если судить по совѣсти, на уплату за всѣ построенныя имъ нумера, ибо число таковыхъ было однимъ изъ условій утвержденія за нимъ всего подряда. По случаю этой постройки былъ учрежденъ особенный временный Можайскій комитетъ, подвѣдомственный графу П. А. Клейнмихелю, и потому Леонъ отнесся туда съ предложеніемъ, что берется выстроить около 150 (помнится мнѣ) таковыхъ требуемыхъ отдѣленій, каждое изъ четырехъ комнатъ съ кухней, и чуть ли ни съ конюшнею и каретнымъ сараемъ. Плату онъ назначилъ по 1000 рублей асс. за отдѣленіе, по переднему фасау, и по 800 р. асс. въ заднемъ фасѣ, съ представленіемъ плана постройки. Планъ и назначенная плата за эти отдѣленія получили высочайшее утвержденіе. Впослѣдствіи же, самъ графъ П. А. Клейнмихель, у коего я былъ на аудіенціи, сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что хотя правительство обязывалось платить за занимаемые онымъ нумера, но не обязывалось занять ихъ всѣ. Это было несомнѣнно упущеніе со стороны Леона, но случайное или преднамѣренное, не знаю. Можетъ быть, онъ опасался отказа, если бы формулировать свои кондиціи на непремѣнномъ условіи занятія или платежа за всѣ безъ исключенія отдѣленія; а можетъ быть также, что повѣривъ слуху, что весь императорскій дворъ и дипломатическій корпусъ придутъ къ маневрамъ, онъ не сомнѣвался, что всѣ его нумера будутъ

---

*) Это мое подозрѣніе подкрѣпляется нынѣ воспоминаніемъ. Онъ говаривалъ мнѣ, что какъ я не могъ справиться съ полутора миліономъ рублей долгу послѣ Бородинской операціи, такъ не могъ бы и уплатить триста тысячъ долгу до этой операціи, и пожалуй онъ былъ правъ.

заняты. Допуская, что въ редакціи условій при коммерческихъ предпріятіяхъ нельзя быть довольно осторожнымъ и пунктуальнымъ, нахожу однакоже, что отговорка, высказанная мнѣ впоследствии графомъ П. А. Клейнмихелемъ, отзывается приказною крючковатостью. Результатомъ громаднаго этого предпріятія было слѣдующее. Ни одна женская особа царской фамиліи не пріѣхала, не было также и дипломатическаго корпуса. Государь помѣстился въ палаткѣ, на противоположномъ концѣ лагеря, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Московскаго городка, и примѣру его послѣдовали великій князь наследникъ, герцогъ Лейхтенбергскій, государева свита и большая часть званныхъ къ военному этому торжеству особъ ¹⁾. Графъ М. С. Воронцовъ, да еще двое или трое изъ генералитета, наняли въ городкѣ по одному отдѣленію на собственный ихъ счетъ, да казною взято было, кажется еще 4 или 5 отдѣленій, а всего около десяти, за которыя выручено было около 10 т. р. асс.; а за тѣмъ все остальные отдѣленія, числомъ около 140, остались не занятыми. Изъ сего видно, что повѣренный мой имѣлъ по совѣсти право на сумму отъ 130 до 140 т. р. асс. приблизительно, но на ничто болѣе, тогда какъ весь оборотъ предпріятой имъ операціи простирался болѣе чѣмъ на миллионъ рублей. Во-первыхъ, Леопъ заплатилъ какую-то баснословную сумму (чуть ли не 8 или до 10 р.) землевладѣльцу (Можайскому исправнику) за тѣ немногія десятины, на которыхъ построены были городокъ; да, имѣя въ виду, пріѣздъ на маневры толпы изъ окрестныхъ мѣстъ и изъ Москвы, онъ выстроилъ разные рестораны, театръ и вокзалъ для баловъ. Въ этихъ ресторанахъ торговали Еврейскіе и полу-еврейскіе его приказчики и приказчицы (изъ послѣднихъ нѣкая мамзель Юлія²⁾) была красавица и кокетствомъ своимъ привлекала потребителей въ ввѣренное ей заведеніе). Сверхъ того онъ выписалъ, не знаю уже сколько, Бѣлевскихъ маркизатовъ, снабдивъ ихъ приказничьими довѣренностями, коихъ распредѣлилъ по палаткамъ, по всему лагерю, растянутому на пространствѣ отъ 8 до 10 верстъ. Вся провизія и вина были отъ Леопа. Вина взяты были подъ веселя на страшную цифру у Московскихъ оптовыхъ випоторговцовъ Катуаръ, Трипѣ и у другихъ менѣе знаменитыхъ лицъ, а для хода операціи, наличными деньгами онъ влѣзъ въ кредитъ на сумму, какъ помнится мнѣ, много болѣе 100 т. р. у банкировъ Ценгера и Колаи, не говоря уже о болѣе мелкихъ суммахъ, отъ 3 до 20 т. р., кои удавалось ему выманывать, гдѣ только онъ пронохивалъ (а на это было

¹⁾ Самъ я впоследствии и не полюбилъ стезею навѣстить мѣсто пораженія всего моего состоянія.

²⁾ Бывшая передъ тѣмъ акробаткою.

особое у него чутье, да и агенты его мыкались по всей Москвѣ съ этою цѣлью) запахъ налпчныхъ рублей. По обыкновенный цеурициць, плотничная работа городка не привелепа еще была къ концу, когда стали съѣзжаться на маневры, черезъ что пришлось ему платитъ въ тридорога экстреннымъ плотникамъ, чтобы не опоздать открыттемъ всѣхъ заведеній. Въ двухъ ресторанахъ торговали приказчиками единственные вѣрные мнѣ люди, Радзиковскій и Птальянецъ Паоли и, кажется, что они одни честно доставляли въ главную Леонова контору вырученныя деньги, хотя какъ ихъ, такъ и остальныхъ своихъ приказчиковъ у Леона не было никогда въ обычаѣ усчитывать, и потому послѣдніе дѣйствовали какъ хотѣли. Меня увѣряли, что одинъ изъ этихъ Іерусалимскихъ агентовъ выпилъ будто бы на свою долю чуть ли на нѣсколько сотенъ бутылокъ Шампанскаго и что Бѣлевскіе маршпацицы повели дѣло гораздо проще: они подъ конецъ маневровъ, когда Леонъ бѣгалъ какъ угорѣлый отъ наступавшихъ на него кредиторовъ, разбредились во всѣ стороны не токмо безъ дачи отчетовъ, но увезя якобы съ собою оставшіеся у нихъ на рукахъ запасы вина, чаю, сахару и пр. и ускользнули отъ законнаго преслѣдованія, потому что Леону было тогда не до нихъ, да и преслѣдовать было не легко; пбо ругаться нельзя, что отъ многихъ изъ таковыхъ онъ не потребовалъ и паспортовъ. Вотъ вкратцѣ вся суть этой безалаберной операціи.

Все рассказанное можетъ показаться читателю Арабскою сказкою тысячъ и одной ночи, пбо таковымъ оно нынѣ представляется и самому мнѣ. Театръ и балы въ вокзалѣ не оставались, правда, пустыми, но что могла значить эта выручка при всеобщихъ убыткахъ? Надо сказать, что антецедентомъ этому предпріятію послужили маневры подъ Вознесенскомъ съ 1837 году. Графъ де Вигъ, тогдашній начальникъ южныхъ военныхъ поселеній, выстроилъ также городокъ; но не въ примѣръ Леону, ему посчастливилось продать свою постройку казнѣ, не знаю впрочемъ для какой потребности. Бородинскія же постройки нпкому не были нужны, а такъ какъ на слѣдующій 1840 годъ, мѣстный исправникъ - землевладелецъ настаивалъ снести ихъ, потому что земля нужна была ему для посѣвовъ, то Леону пришлось заплатить ему еще неустойку, сверхъ условленныхъ за наемъ земли денегъ, и не знаю, выручили ли мы 3 или, «maximum», 4 т. за весь этотъ полудеспившій хламъ. Когда, послѣ своего пораженія, Леонъ явился въ Москву, то его обступили второстепенные кредиторы и чтобы зажать имъ хоть на время ротъ и не попасть самому въ яму, онъ умпротворялъ злѣйшихъ изъ таковыхъ остатками вина и колоніальныхъ товаровъ, у него уцѣлѣвшихъ, за заборъ копѣхъ впрочемъ векселя не были еще уплачены

Вотъ въ какомъ положеніи я засталъ дѣла, когда пріѣхалъ въ Москву; но кромѣ того былъ огромный начеть въ Коммисаріатской Комиссіи за неисправность по поставкѣ продовольствія въ Московскій Военный Госпиталь, падающій на залого, представленные въ обезпеченіе этого подряда. Впрочемъ справедливость требуетъ добавить, что помимо безпорядочнаго способа веденія этого дѣла, были и непредвидѣнные обстоятельства, увеличивавшія убытокъ. Я уже объяснилъ, что Леонъ имѣлъ привычку, лишь бы только взять подрядъ, спускать до невозможности цѣны товаровъ изъ припасовъ, имѣя въ виду не столько барышъ, сколько съ цѣлью посредствомъ представленныхъ залоговъ захватить скорѣе задаточныя деньги, подъ предлогомъ первоначальныхъ будто бы покупокъ для подряда. Въ сущности же предметы эти брались въ большинствѣ случаевъ въ долгъ, а взятые задаточныя деньги расходились, чтобы заткнуть, какъ говорится, дыры и угомонить крикливѣйшихъ кредиторовъ. Такимъ образомъ перебивался онъ со дня на день, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ*). Весною 1839 г., когда жизненные припасы были дешевы, онъ взялся ставить напр. муку въ госпиталь по 60 к. ас. за пудъ, имѣя впрочемъ въ виду существовавшій тогда въ Москвѣ *лажъ* на ассигнаціонные билеты: вещь не бывшая въ ходу на Петербургской биржѣ и конечно не допускавшаяся въ контрактахъ съ казною. Въ началѣ 1839 г. *лажъ* этотъ доходилъ въ Москвѣ до 16 процентовъ, такъ что 5 рублевый кредитный билетъ ходилъ и мѣнялся по 5 р. 80 к. асс., и по этому расчету выходило, что отпускаемая казною 60 к. за пудъ муки соответствовали въ торговлѣ 70 копейкамъ безъ незначительной дробѣ: если цѣна на муку стояла на рынкѣ въ 60 к., то оставалось въ барышѣ 10 к. *лажа*. (За вѣрность цѣнъ муки не ручаюсь, но помню, что барышъ извлекался изъ *лажа*). Въ теченіе того лѣта состоялось положеніе о переводѣ по всей имперіи счетоводства изъ ассигнацій на серебро, и вмѣстѣ съ тѣмъ естественно прекратилось дальнѣйшее существованіе вреднаго *лажа*. Столь благотворная государственная мѣра не была почти ощутительною въ Петербургѣ, но въ Москвѣ она принесла немало убытка въ торговомъ мірѣ, гдѣ расчеты оставались на *лажѣ*, терпимомъ (слѣдуетъ замѣтить) дотолѣ самимъ правительствомъ. По одному уже уничтоженію *лажа* муки сдѣлалась дороже отпускаемой изъ казны цѣны. Вдобавокъ, Леонъ попалъ подъ бѣдственный неурожай 1839 г., и осень предвѣщала таковой же голодъ на слѣдующій 1840 г. Осимп

*) Курьезнѣе всѣхъ изъ его подрядовъ былъ одинъ, небольшой, съ театралною дирекціею, для развозки артистовъ и артистокъ. Ни обветшалыхъ каретъ, ни лошадей онъ не ремонтировалъ, и однажды случилось, что одна драматическая знаменитость (чуть ли не г-жа Рѣпина-Веретовская), сѣдя въ каретѣ, провалилась на мостовую.

во многихъ мѣстахъ вовсе не вошли отъ продолжительной засухи, отъ чего пудъ муки достигъ небывалой почти дотолѣ цифры 1 р. 50 к. или даже выше, т. е. въ два раза съ половиною свыше условленной по подряду цѣны. Помнится мнѣ, что когда я, въ послѣдствіи, хлопоталъ о сложеніи съ меня начета по упомянутому подряду, на основаніи вышеизложенныхъ причинъ, то казна отозвалась, что она-де никогда не признавала существованія лажа. Но, во первыхъ, можно ли спрашивать, уничтожить то, о существованіи чего намъ неизвѣстно, а во вторыхъ, въ комиссаріатскомъ департаментѣ знали хорошо «de facto», что Московскіе подрядчики спускали цѣны на торгахъ въ виду лажа, а казна пользовалась этими соображеніями.

Всѣ высказанныя неудачи увеличивались еще тѣмъ, что Леонъ не могъ свободно разъѣзжать и дѣйствовать, отъ часто представляемыхъ на него кормовыхъ денегъ и требованій его личности въ Управу Благочинія, чтобы оттуда спустить его (какъ говорилось тогда) въ яму. Подкупъ почти всей субалтерной полиціи, въ размѣрахъ нынѣ невозможныхъ (смѣю думать), спасалъ его отъ ареста; а какъ этотъ подкупъ не могъ совершаться кредитомъ или векселями, то приходилось дѣлать новые займы на этотъ предметъ, и это стоило ему немало. Само собою разумѣется, что мирволили ему одни подчиненные оберъ-поллицмейстера Льва Михайловича Ципскаго, который ненавидѣлъ Леона и всячески искалъ случая взять его подъ арестъ. Поймать его было нелегко, ибо онъ не разъ скрывался гдѣ-нибудь за одною изъ Московскихъ заставъ. Правду сказать, жизнь его была собачьею.

Таковыми были Леона и мои дѣла зимою съ 1839 по 1840 годъ, которую я всю провелъ въ Петербургѣ.

И. А. Кавецкій и я помѣстились въ номеръ, въ домъ Энгельгардта, у Казанскаго моста. Недѣли черезъ двѣ, онъ возвратился въ Москву, а я напаялъ квартиру изъ двухъ комнатъ за 100 р. асс. въ мѣсяць, въ мезонинѣ деревяннаго дома Калугина, на Мойкѣ, у Пѣвческаго моста, весь низъ коего занятъ былъ славившимся тогда рестораномъ Сень-Жоржа *). Впервые пустился я въ высшее Петербургское общество и, благодаря двумъ-тремъ лицамъ изъ этого круга, былъ принятъ какъ бы давнѣйшій членъ онаго. Я замѣтилъ, что въ этомъ замкнутомъ для многихъ кружкѣ двери пастежь растворяются для по-

*) Домикъ этотъ, въ самомъ углубленіи двора каменнаго большого дома Калугина, стоялъ въ неизмѣненномъ еще видѣ въ 1860 году, и въ немъ же помѣщался ресторанъ Довона.

сящихъ аристократическую фамилію, хотя бы они были лицами не-
извѣстными тому обществу. Неизгладившіяся еще воспоминанія о мо-
ихъ родителяхъ между ихъ современниками облегчили конечно немало
мнѣ доступъ въ это общество, къ чему способствовало, можетъ быть,
отчасти то обстоятельство, что одинъ я изъ всего моего семейства
уцѣлѣлъ въ Православіи; въ этомъ же высшемъ обществѣ релігіозныя
убѣжденія шли рука объ руку съ чувствомъ своей національности,
какое направление развилось съ перваго десятилѣтія царствованія
Николая Павловича.

Князь Д. В. и кн. Т. В. Голицыны провели всю эту зиму въ Пе-
тербургѣ, въ домѣ Татищева, выходявшемъ одной стороною на Кара-
ванную площадь, а другою на Фонтанку. Здоровье княгини мало поль-
зы вынесло изъ проведенной ею зимы въ Италіи; у нея не было, ка-
жется, никакой особенной болѣзни, а просто общій упадокъ силъ, и
только благодаря искусству домашняго ея врача г. Кропберга, она про-
дышала еще съ небольшимъ годъ. Между прочими средствами, употре-
бляемыми этимъ врачомъ для поддержки гаснувшихъ жизненныхъ силъ,
были живые компрессы, то есть разрѣзывали на двое живую курицу
и пока она была еще въ трепещущемъ состояніи и не остывала, при-
кладывали эти куски съ ихъ кровью къ тѣлу пациентки.

По предложенію князя Голицына вступить на службу при его
особѣ, дабы тѣмъ обезпечить мою личность отъ ареста, я тотчасъ же
подалъ ему о томъ прошеніе, принявъ отъ меня какое, онъ съ обыч-
ною добродушною своею улыбкою, спросилъ по-французски: «Не всту-
пительный ли это вашъ шагъ къ мѣсту канцлера Имперіи?» Не же-
лая тогда переименовываться въ гражданскій чинъ, я принять былъ
на службу съ чиномъ штабъ-ротмистра.

Пустившись въ свѣтъ, я сталъ частымъ довольно посѣтителемъ у
графини Софіи Владимировны Строгоновой (бывшей когда-то въ тѣсной
дружбѣ съ моимъ отцемъ) и у ея сестры Екатерины Владимировны
Апраксиной, вдовы Степана Степановича, тогдашней гофмейстерши
у в. кн. Елены Павловны. Не рѣдко встрѣчался я въ обществѣ
съ Ив. Петр. Мятлевымъ и бывалъ изрѣдка у него; онъ меня отреко-
мендовалъ своей матери, какъ человѣка родственно принявшаго его во
Флоренціи. Онъ въ то время былъ въ полномъ разгарѣ моды, *l'homme
du jour* *), по милости поэмы своей «Сенсаціи мадамъ Курдюковой»,

*) Человѣкъ того дня. Въ посланіи его къ А. О. Смирновой по случаю говѣнія на-
чалъ: „Пардоне муа ме пеше, въ чемъ предъ вами согрѣше“. Мода на это сочиненіе дошла
до того, что одна изъ славившихся тогда драматическихъ артистокъ, сестеръ Самойловыхъ,
читывала изъ него отрывки въ театрѣ.

производившей настоящій фуроръ въ Петербургскихъ салонахъ, для чтенія которой (читалъ же онъ поэму свою наизусть) были вечера съ приглашеніями. Этимъ онъ немного заслонялъ моду на графа В. А. Сологуба, читавшаго на таковыхъ же вечерахъ свою рукопись «Тарантаса». И графъ Сологубъ тоже отличался остроуміемъ своимъ и забавностію разговора. Опредѣлившись на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ однимъ изъ директоровъ департамента былъ Ф. Ф. Вигель, балованный обществомъ графъ Сологубъ обходился съ нимъ не такъ, какъ обходятся обыкновенно съ своимъ начальникомъ, а какъ съ человѣкомъ, съ коимъ мы ежедневно бываемъ въ обществѣ; напримѣръ, во время служебныхъ занятій въ департаментѣ, онъ ему говорилъ: «bonjour, Vighel, bonjour». Желчный и неспмпатичный Вигель попросилъ третье лицо передать графу Сологубу, что хотя-де онъ вполне признаетъ общественно-салонное равенство между нимъ и молодымъ чиновникомъ, но что онъ проситъ графа воздержаться впредь отъ подобной фамильярности, во время службы, ради примѣра другимъ. На слѣдующій день, когда Ф. Ф. Вигель вошелъ въ канцелярію департамента, графъ Сологубъ, поднявшись съ мѣста вмѣстѣ съ прочими чиновниками, вытянулся какъ бы во фронтъ съ руками по швамъ и заревѣлъ: «Здравія желаю, ваше превосходительство-о,-о-о.» Послѣ этой продѣлки пришлось ему (какъ рассказывали мнѣ) перемѣнить мѣсто своего служенія.

Не договорено мною, что я написалъ и посвятилъ И. П. Мятлеву Итальянскую оду, въ честь его «Курдюковой». Получивъ ее, онъ посоветовалъ было мнѣ приняться за Русскую литературу; но таковое занятіе было мнѣ тогда не подъ силу, по причинѣ слабаго моего знанія отечественнаго языка *).

Изъ первыхъ лицъ, посѣщенныхъ мною въ Петербургѣ, была княгиня Марія Васильевна Кочубей. Добрѣйшая эта женщина приняла меня какъ бы родного сына, и въ такомъ качествѣ я обѣдалъ у нея въ день праздника Рождества Христова. Меня особенно поразила у княгини Кочубей роскошь гіацинтовъ въ полномъ цвѣту въ ея кабинетѣ, въ Декабрѣ мѣсяцѣ: вещь небывалая и въ Италіи въ этомъ сезонѣ.

Весьма дружелюбно принялъ меня также бывший товарищъ дѣтства моего во Флоренціи, Владимиръ Петровичъ Давыдовъ (тогда еще

---

*) Къ стыду моему я долженъ признаться, что я недавно только сталъ заниматься Русскою грамматикою. Упомянутая Итальянская ода, вмѣстѣ съ другими, позднѣйшими моими стихотвореніями по-англійски, по-французски и по-итальянски, составляютъ тетрадь, которую я оставилъ у сестры моей, княгини Видони, въ 1862—1863 г.

не графъ съ прибавленіемъ «Орловъ»), хотя я не встрѣчался съ нимъ нигдѣ съ того времени. У него я часто обѣдывалъ, и онъ не спѣсивился взбираться ко мнѣ, по крутой и темной лѣстницѣ, въ мой скромный мезонинъ. Онъ давно былъ уже женатъ на княжнѣ Барятинской и въ то время только что отстроилъ великолѣпный свой домъ на Сергѣевской улицѣ. Какъ аматёръ и знатокъ изящныхъ художествъ, онъ повезъ меня въ Академію и ввелъ въ мастерскую неподражаемаго нашего К. П. Брюлова. Самъ великій артистъ былъ тогда въ отсутствіи, и потому мы не могли рассмотретьъ всего. Помню только начатый имъ тогда холстъ, сюжетъ коего былъ заимствованъ изъ «Бахчисарайскаго Фонтана». Тутъ же имѣли мы удобный случай видѣть вблизи и на досугъ полюбоваться безъ посторонней помѣхи громадною, недоконченною еще картиною Взятіе на небо Пресвятой Богородицы, что нынѣ запрестольною въ Казанскомъ соборѣ ¹⁾. Главныя въ ней фигуры въ полтора раза болѣе натурального роста, но это скрадывается отдаленностію. Можно только, по моему, упрекнуть художника въ томъ, что фигура Пресвятой Дѣвы немного массивна; а что до пестроты колорита, то Брюловъ, изучилъ химію палитры и писалъ намѣренно яркими колерами, зная, что они отъ времени потемнѣютъ. Въ сонмѣ ангеловъ находятся, какъ рассказывали мнѣ, портреты трехъ тогдашнихъ великихъ княженъ, Маріи, Ольги и Александры Николаевнъ. Двумъ послѣднимъ не надо было льстить, чтобы изобразить лики ихъ ангельскими: до того онѣ были хороши собою. Не знаю, какъ мыслятъ о томъ другіе, но я не нахожу ничего предосудительнаго (и конечно ничего похожаго на кощунство) въ этой художественной вольности: вѣдь съ натурщицъ по промыслу пишутся же женскія лица, какъ и мужскія въ исторической живописи. А что Брюловъ былъ руководимъ тутъ однимъ эстетическимъ чувствомъ, а не льстивымъ угодничествомъ, за то могутъ поручиться всѣ современники, лично его знавшіе ²⁾.

¹⁾ Картина эта занимаетъ простѣнокъ между двумя окнами, мѣшающими своимъ отраженіемъ разсматривать ее какъ слѣдуетъ.

²⁾ Въ доказательство, на сколько онъ не былъ угодникомъ и низкопоклонникомъ царскихъ особъ, расскажу, что немного поздне онъ обѣщался написать портреты обѣихъ великихъ княженъ (Ольги и Александры Николаевнъ) въ досужее ему лѣтнее время. Дворъ перѣхалъ въ Петергофъ, и за нимъ переселился туда К. П. Брюловъ, на приготовленную ему во дворцѣ квартиру. Назначаетъ заранѣе онъ день для одной изъ великихъ княженъ; она одѣвается въ костюмъ, избранный для этого самимъ художникомъ, и посылаетъ сказать ему, что она готова;—и что же? въ большинствѣ случаевъ Карлъ Павловичъ отвѣчалъ; что извиняется и что ему некогда принять великую княжну въ этотъ день. Такъ прошло все лѣто, и онъ еле-еле набросалъ очерки портретовъ. Естественно, что Государь разгнѣвался; но гнѣвъ его выразился тѣмъ только, что онъ пересталъ навѣщать мастерскую Карла Павловича.

Но особенно родственныи пріемъ встрѣтилъ и отъ недавно умершаго Абрама Сергѣевича Норова. Онъ и жена его Варвара Егоровна только что стали тогда оправляться отъ потери единственнаго ихъ ребенка. Норовы жили тогда на Моховой улицѣ, и я однажды обѣдалъ у нихъ вмѣстѣ съ нынѣшнимъ Московскимъ митрополитомъ Инокентіемъ, который былъ тогда еще протоіереемъ и только что прибылъ въ Петербургъ, съ малолѣтнею своею дочерью съ Алеутскихъ острововъ, гдѣ, какъ извѣстно, онъ подвизался въ евангельской проповѣди среди этихъ дотошъ идолопоклонниковъ-островитянъ, и для нихъ онъ, по примѣру Славянскихъ просвѣтителей Св. Кирилы и Меодія, составилъ азбуку и грамматику Алеутскаго нарѣчія и успѣлъ перевести нныя книги Священнаго Писанія. Онъ казался мнѣ на видъ 45 или 46 лѣтъ и сильнаго тѣлосложенія ¹⁾ А. С. Норовъ служилъ тогда правителемъ канцеляріи статсъ-секретаря у пріема прошеній, коимъ былъ Николай Михайловичъ Лонгиновъ ²⁾. Такъ какъ я въ то время собирался было подать всеподданнѣйшее прошеніе по горячимъ слѣдамъ о вознагражденіи за понесенные мною убытки по постройкѣ Бородинскаго городка, то Абрамъ Сергѣевичъ, обязательно и сочувственно, началъ было направлять меня по этому дѣлу и исправлялъ даже редакцію моего черноваго прошенія. Дальнѣйшій ходъ этого дѣла, къ сожалѣнію, пріостановился, по совѣту прибывшаго ко мнѣ въ Петербургъ Леона прибереечь этотъ путь столь сильнаго покровительства до поры до времени, когда, по мнѣнію его, придется хлопотать о сложеніи съ меня начета по подряду продовольствія Московскаго Военнаго Госпиталя. Судя по результатамъ, я ошибся, поддавшись его совѣту, тѣмъ болѣе, что за двумя зайцами никогда не слѣдуетъ гоняться. При сильной поддержке, коею я пользовался отъ князя Д. В. Голицына, при общей Петербургской молвѣ, что я разорился отъ Бородинскаго предпріятія, послѣдовала бы, можетъ быть, дѣйствительно высочайшая милость о денежномъ какомъ нибудь вознагражденіи; но съ другой стороны, деньгами этими я бы не воспользовался: ибо подана была на меня столь громадная цифра взысканій, что деньги эти поступили бы въ массу моихъ кредиторовъ, или, пожалуй, Леонъ придумалъ бы одинъ изъ обычныхъ ему фокусовъ, по которому, при слѣпой моей къ нему

¹⁾ Вскорѣ послѣ этой моей встрѣчи съ нынѣ высокопреосвященнымъ Инокентіемъ онъ получилъ въ Петербургъ извѣстіе о кончинѣ его жены на дальнемъ Востокѣ, вслѣдствіе чего онъ согласился постричься въ монашество.

²⁾ О разсѣянности глубокоученнаго Норова разсказывали множество анекдотовъ, между прочимъ, будто однажды, углубившись въ чтеніе какой-то книги въ то время какъ онъ пилъ кофе, онъ принялся мочать въ чашку и кусать свой палецъ вмѣсто кренделя и даже раздосадованныи обратился съ упрекомъ къ женѣ, что крендель такъ жестокъ, и онъ раскусить его не можетъ.

довѣрчивости, деньги попали бы ему въ руки и разошлись бы безъ всякой существенной пользы. Словомъ, я былъ тогда между молотомъ и наковальнею и въ положеніи невыносимомъ для трезваго ума; но по легкомысленности моей меня все занималъ плюзии на *авось*.

Ласково весьма обошелся со мною графъ Пвась Пларіоновичъ Воронцовъ при первомъ моемъ визитѣ; даже помнится мнѣ, что онъ обнялъ меня, и кажется, что я впалъ въ ошчбгу, не воспользовавшись этимъ его расположеніемъ, чтобы стать на болѣе интимной ногѣ у него въ домѣ, а салонѣ жены его, графини Александры Кириловны, былъ законодательнымъ), въ чемъ я бы вѣроятно успѣлъ; по житейскаго расчета и ловкости у меня всегда недоставало, и этимъ я много проигрывалъ. Экцентричная его супруга графиня Александра Кириловна Воронцова была повелительница моды и создательница сойма Русскихъ львицъ *). Остроумныя, оригинальныя и безцеремонныя ея выходки разнослись немедленно по всѣмъ концамъ города и доходили до второстепенныхъ салоновъ, иныя посѣтительницы коихъ тщетно вздыхали о привилегіи быть принятыми въ замкнутый для нихъ рай-салонъ графини Воронцовой. Но подъ ея легкомысленностію скрывалось самое сострадательное сердце къ нуждающимся, коимъ она помогала щедрою рукою; этимъ и другими прекрасными, нравственными сторонами она вполне выкупала женскія свои слабости. Рассказывали напр., что однажды, когда она одѣвалась на балъ, впущенная въ ея уборную кака-то проспелыница до того растрогала графиню, что, не имѣя, можетъ быть, тутъ подъ рукою такой суммы, которую она хотѣла бы дать, она поспѣшно оторвала отъ своего ожережья цѣнный брилліантъ и этимъ наградила бѣдную женщину. Однажды на учрежденномъ съ благотворительною цѣлью базарѣ, гдѣ она, въ числѣ прочихъ ея подругъ высшаго круга, торговала, подошелъ къ ея палаткѣ кондитерскихъ издѣлій извѣстный одинъ богачъ и, выпивъ у ней чашку шоколаду, подаль было 50 р. кредитный билетъ, съ тѣмъ чтобы получить сдачу; но графиня, взявъ билетъ, объявила, что не принято у нихъ давать сдачу. Хотя больно не понутру показалось этому скуповатому господину такъ дорого заплатить за чести полученія изъ прекрасныхъ графининыхъ ручекъ чашку шоколаду, но дѣлать было нечего. А съ какимъ достоинствомъ она держала себя относительно двора, доказываетъ слѣдующій анекдотъ. Великая кня-

*) И кто бы предвидѣть могъ, что эта блестящая и балованная женщина страдальчески кончитъ жизнь въ одномъ изъ Парижскихъ госпиталей! Она была дочь Кирилы Львовича Нарышкина и сестра л.-гусарскаго моего сослуживца Льва Кириловича Нарышкина.

гния Марія Николаевна, задумавшая однажды устроить у себя домашній спектакль, не предупредивъ (вѣроятно) графиню, что она рассчитываетъ на ея содѣйствіе, послала къ ней выпсанную уже роль безъ приложенія записки. Упущеніе это дозволила себѣ великая княгиня на томъ вѣроятно основаніи, что не разъ уже графиня Александра Кирпильевна пгрывала въ Лейхтенбергскомъ дворцѣ; но оскорбленная этою безцеремонностію графиня отослала обратно съ посланнымъ свертокъ роль. Въ позднѣйшую эпоху извѣстенъ ея ловкій отвѣтъ нынѣшнему императору Наполеону, когда онъ былъ еще только президентомъ республики. Велѣдствіе (должно быть) дошедшаго до него слуха о ея островахъ на его счетъ, онъ на балѣ у себя во дворцѣ спросилъ у графини, долго-ли она намѣревается проживать въ Парижѣ, на что она не запинаясь отвѣчала: а вы сами ¹⁾, принцъ-президентъ, долго-ли намѣреваетесь оставаться на жительство здѣсь? Графиню нельзя было причислить къ числу красавицъ, но въ ней было что-то особенно инкантиное, производившее болѣе впечатлѣнія, чѣмъ статуарная, правильная красота. Росту она была средняго, немного даже менѣе средняго, брнетка, съ выразительными темными глазами, овально-продолговатой формы (en amende) немного Монгольскаго типа, какъ и весь складъ лица. Талія была безукоризненна и движенія граціозны.

У графа Ворощова въ домѣ былъ ежедневнымъ посѣтителемъ старикъ Грекъ Палли ²⁾ бывшій у него какъ-бы на хлѣбахъ, или составлявшій какъ-бы часть мебели дома, потому что онъ при гостяхъ сидѣлъ себѣ гдѣ нибудь въ углу, не раскрывая рта во весь вечеръ. Онъ былъ старый холостякъ и человекъ съ деньгами, какъ носился слухъ. Поселился онъ въ Петербургѣ со временъ императора Павла и снабжалъ (кажется) деньгами графа во времена его молодости ³⁾.

¹⁾ Кстати помяну ловкій отвѣтъ тому же принцу другой, блестящей въ то время соотечественницы нашей, вѣскою г-жи Калерджи. По поводу разныхъ также островахъ этой дамы, разнесенныхъ по Парижу, Наполеонъ спросилъ у нея, извѣстна ли ей разница между зеркаломъ и ею; отвѣтъ былъ конечно, что не знаетъ, и тогда будущій императоръ добавилъ: „Le miroir „réfléchit“, et vous ne „réfléchissez“ pas“. Вызванная этимъ сарказмомъ г-жа Калерджи не полѣзла за словами въ карманъ, предложила ему тотъ же самый вопросъ, и когда принцъ отвѣчалъ въ свою очередь отрицательно, то она добавила: „Le miroir est poli, et vous ne l'êtes pas“.

²⁾ Родной братъ Ливорнескаго нашего знакомаго Панаіотти Палли. У третьяго ихъ брата былъ сынъ, поселившійся въ Москвѣ и ведшій одно время большую игру въ таможнемъ Англійскомъ клубѣ.

³⁾ Отмѣчу, что до 50 лѣтъ отроду его продолжали звать въ обществѣ „Vanische Wogonzoif“. Встрѣчались тогда нѣмны странныя весьма прозвища, даваемые фамильнымъ именамъ: такъ напр. одну отрасль князей Голицыныхъ звали Голицыны-Кулики, другую Голицыны-Рябчики; былъ также какой-то князь этой фамили съ прозвищемъ „Макарелли“; но происхожденіе всѣхъ этихъ названій мнѣ неизвѣстно.

Однажды на графининъ вопросъ у этого старика, почему онъ не показывался въ теченіе цѣлаго дня, онъ объяснилъ *«avec une mine de circonstance* (т. е. съ многозначущимъ видомъ), что не былъ, потому что это былъ канунъ 12 Марта и день горестнаго для него воспоминанія кончины императора Павла, котораго онъ-де лично знавалъ. «Вотъ какъ, замѣтила разсмѣявшаяся графиня, а позвольте узнать, въ чемъ состояло это ваше съ нимъ знакомство?»—«Я шелъ однажды», продолжалъ г. Палли, «по набережной, какъ вдругъ очутился носъ съ носомъ съ императоромъ, который...»—«Который, перебила его живая графиня, вѣроятно вамъ сказалъ *«ôtes-toi, chien, de mon chemin*» (посторонися, песъ). *«Voilà comme vous êtes toujours*» (вотъ какъ вы всегда), продолжалъ онъ, «но вовсе не такъ: я посторонился, а онъ, окинувъ меня взглядомъ, сказалъ: *Vous êtes étranger?* (вы иностранецъ?)—«*Oui, Sire*», отвѣчалъ я, «*je suis Grec*». (Точно такъ, Государь, я Грекъ). Эта сцена теряетъ много въ разсказѣ, но комизмъ былъ полный въ разговорѣ. Старуха графиня Ирина Ивановна, мать графа Пвана Иларіоновича, пзвѣстная своею скупостію и крѣпко оглохшая, жила отдѣльно въ нижнемъ этажѣ въ домѣ своего сына (на Дворцовой набережной, рядомъ почти съ Зимнимъ дворцомъ), принимала однихъ близкихъ ей знакомыхъ, и то по утрамъ только, и не являлась на обѣды и балы сына. Графъ Иванъ Иларіоновичъ не имѣлъ, повидному, давшихъ, чтобы стать государственнымъ человѣкомъ, хотя вовсе не былъ для того неспособенъ, и лишь очень поздно (въ 1846, кажется, году) попалъ въ члены Государственнаго Совѣта. Начало дипломатической его карьеры было блистательно: не было ему (помните) тридцати лѣтъ отъ роду, когда онъ былъ нашимъ министромъ при Сардинскомъ дворѣ, и вскорѣ послѣ таковымъ же при Баварскомъ; но тѣмъ и окончилась дипломатическая его служба, которая перешла въ царедворческую, тогда какъ, по огромному своему состоянію и вельможнымъ пріемамъ, онъ могъ быть, миѣ кажется, достойнѣйшимъ посломъ при державахъ перваго разряда, тѣмъ болѣе, что мирное тогдашнее состояніе Европы дѣлало дипломатическія отношенія вовсе несложными. Онъ отличался сердечною добротою, натуральностію манеръ и утонченною учтивостію съ своими гостями.

Львицами дня, подражательницами графини, были Валуева (дочь князя П. А. Вяземскаго), Соловая (рожденная княжна Гагарина), княгиня Блосельская (рожденная Бибикова, мать коей вышла вторымъ бракомъ за графа Бенкендорфа) и отчасти молоденькая еще г-жа Гуэррера, дочь бывшего нашего министра во Флоренціи г. Свержкова *).

*) Г. Гуэррера былъ секретаремъ Испанскаго или Португальскаго посольства въ Петербургѣ.

Пустилась было въ арену львицы и блестящая наша Сафо, графиня Авдотья Петровна Растопчина, не взирая на невыгодное на Невскомъ берегу условіе быть Москвитянкою; по уму, свѣтской любезности и поэтическимъ дарованіямъ она приобрѣла себѣ не токмо первенствующее мѣсто въ высшемъ обществѣ (хотя не жила открытымъ домомъ), но удостоилась даже доступа ко двору, не имѣя на то права, по незначительности мужнина чина. Къ сожалѣнію, она пересолила львиную свою роль и съ тою же быстротою, какъ поднялась, такъ и пала. Пожалуй, что не безъ основанія сказалъ Грибоѣдовъ, что: «на всѣхъ Московскихъ есть особый отпечатокъ».

Я воспользовался случайнымъ знакомствомъ моимъ во Флоренціи съ Дмитріемъ Петровичемъ Бутурлинымъ (женатымъ на бывшей красавицѣ Комбурлей), чтобы навѣщать его въ Петербургъ, и хотя семейство наше не состояло ни въ какомъ родствѣ съ отраслю Бутурлиныхъ, къ коей онъ принадлежалъ, тѣмъ не менѣе онъ смотрѣлъ на насъ и на третій еще родъ Бутурлиныхъ *) какъ на своихъ кровныхъ. Хотя о фамилии нашей говорится кое-гдѣ въ допетровской Руси, и какой-то Бутурлиаъ былъ воеводою и близкимъ человѣкомъ Грозному Іоанну, но ни въ какихъ отмѣнныхъ подвигахъ я не подозрѣвалъ этихъ общихъ нашихъ предковъ, пока не увидалъ у Дмитрія Петровича нѣсколько картинъ съ геройскими ихъ изображеніями. По случаю своего нахожденія Русскимъ военнымъ агентомъ при Французской арміи, предводительствуемой герцогомъ Ангулемскимъ во время Испанской войны 1823 года, Дмитрій Петровичъ получилъ въ обществѣ прозвище Трокадера, отъ имени битвы, увѣнчавшей эту кампанію, послѣ чего онъ былъ дежурнымъ генераломъ или даже начальникомъ штаба 1-й арміи (генерала Сакена, еще не фельдмаршала и не графа) и жилъ въ Могилевѣ. Исторія войны 1812 года, написанная имъ по французски, произвела много шума и была авторитетною въ свое время. Онъ былъ аматёръ художества; въ числѣ картинъ, вывезенныхъ имъ изъ Италіи, были ландшафты Миланскаго Милліара и два вида Венеціи Флорентинскаго моего знакомаго Бурчи. Прѣжнее мое съ нимъ знакомство состояло лишь въ томъ, что я встрѣтился съ нимъ одинъ разъ на балѣ у принца Корсини въ 1838 г., и къ моему тогда удивленію онъ высказалъ нѣкоторые либеральные свои политическіе взгляды, по которыхъ одна-

---

его немного позднее уѣхала отъ него и, вышедши замужъ за нѣкоего г. Зиновьева (при жизни ли г. Гуерреры или по смерти его, не знаю), долго жила въ Ярославлѣ.

*) Къ этому третьему роду принадлежалъ Рязанскій помѣщикъ и милліонеръ, Бутурлиаъ, женатыи на княжнѣ Щербатовой, имѣвшій свой домъ въ Москвѣ на Арбатской улицѣ.

коже онъ не заявлялъ, когда я ближе сошелся съ нимъ въ Петербургъ.

Не упускалъ я бывать также и у княгини Варвары Сергѣевны Голицыной, коей достался домъ графа Сергѣя Петр. Румянцова, на Невскомъ проспектѣ, насупротивъ Александрійскаго театра. Двѣ изъ ея дочерей, княжны Ольга и Варвара Павловны, недавно только передъ тѣмъ вышли замужъ, первая за Павла Петровича Чичерина, офицера въ конномъ гвардейскомъ полку, вторая за Василя Сергѣевича Шереметева, адъютанта (вмѣстѣ съ Августомъ Осиповичемъ Понятовскимъ) у великаго князя Михаила Павловича ¹⁾. Молодая чета Чичериныхъ и всѣ четверо молодыхъ князей Сергѣй, Николай, Михайль и Павелъ Павловичи, бывшихъ уже на службѣ, жили съ ихъ родителями, хотя князь Сергѣй Павловичъ нѣсколько лѣтъ былъ женатъ на красавицѣ графинѣ Любови Петровнѣ Апраксиной, и все это составляло патриархальную семью. Самъ князь Павелъ Алексѣевичъ былъ добрейшій и пріятнѣйшій человекъ, но болѣзненный и подверженный падучей немощи, а потому, вѣроятно рѣдко показывался въ обществѣ. Княгиня Варвара Сергѣевна была тогда предсѣдательницею Петербургскаго патриотически-благотворительнаго общества, и не взирая на служебныя и хозяйственныя свои заботы и обязанность вывозить въ свѣтъ только что начивавшую выѣзжать, меньшую свою дочь, княжну Марію Павловну, она отправлялась каждодневно въ 5 часовъ утра къ завтраку и къ ранней обѣднѣ ²⁾

Съ А. О. Понятовскимъ я весьма рѣдко видѣлся, хотя никакой черной кошки, какъ говорятъ, между нами не пробѣгало. Почему это случилось, трудно дать себѣ отчетъ; были, можетъ быть, какія нибудь *хвосты* стараго времени, то есть воспоминаніе о томъ, что онъ высказывалъ мнѣ свое неодобреніе кутежнаго моего поведенія. Случается впрочемъ въ жизни, что когда послѣ продолжительной разлуки съ близкимъ нѣкогда лицомъ, мы опять встрѣчаемся, прежнія наши отношенія болѣе не возобновляются, хотя безъ всякой на то причины. Впрочемъ я долженъ откровенно признаться, что въ пору моей молодости, я сочувствовалъ Польскому вопросу и потому не долюблялъ я вообще Поляковъ, служившихъ въ рядахъ враговъ несчастнаго ихъ отечества.

Разъ на вечерѣ у Мятлевыхъ я повстрѣчался съ бывшимъ моимъ Павлоградскимъ товарищемъ Лауницемъ, тогда поручикомъ или штабъ-

¹⁾ Старшая изъ княженъ Голицыныхъ Зинаида Павловна была уже въ 1834 г. замужемъ за княземъ Николаемъ Александровичемъ Щербатовымъ.

²⁾ Носится слухъ (но на сколько онъ справедливъ, не знаю), что она находится будто бы въ тайномъ иноческомъ постриженіи, хотя живетъ въ мірѣ.

ротмистромъ въ л.-г. Гродненскомъ гусарскомъ полку. Въ бытность его въ нашемъ полку, онъ ничего не получалъ изъ дому и юнкеромъ ходилъ въ казенномъ, толстомъ мундирѣ и въ суконномъ галстухѣ. Сомнѣваюсь, чтобы въ 1840 году домашнія его обстоятельства могли поправиться, а между тѣмъ видно было, что онъ могъ прилично содержать себя въ гвардейскомъ кавалерійскомъ полку (да еще въ недешевомъ по мундиру гусарскомъ), безъ всякихъ другихъ ресурсовъ, кромѣ скуднаго еще тогда, даже въ гвардіи, оклада. Какъ ухитряются Нѣмцы въ такихъ финансовыхъ фокусахъ, просто непостижимо!

Сошелся я опять, и радостно сошелся, съ Брестъ-литовскими моими друзьями, барономъ Павломъ Александровичемъ Вревскимъ (тогда адъютантомъ при военномъ министрѣ князь Чернышовѣ) и съ Юліемъ Федоровичемъ Минквицемъ, адъютантомъ при министрѣ финансовъ графѣ Канкринѣ. Оба они приняли меня съ распростертыми объятіями. Не проходило дня, чтобы мы не видались, и часто собираясь обѣдать въ ресторанахъ, нескудною рукою пѣщили бокалы, «вспомная» старину. П. А. Вревскій познакомилъ меня съ роднымъ своимъ братомъ барономъ Ипполитомъ, храбрѣйшимъ офицеромъ Главнаго Штаба*), только что оправившимся отъ нѣсколькихъ ужасныхъ ранъ, имъ полученныхъ на Кавказѣ, въ блистательной, но неудачной по результатамъ экспедиціи, затѣянной неустрашимымъ генераломъ Граббе. Братья Вревскіе не лицомъ, а способностями, утонченностію образованія и прекрасными свѣтскими манерами, были схожи межъ собою, и не прочь отъ умѣреннаго кутежа. Тутъ же я опять повстрѣчался съ дѣтскимъ моимъ знакомымъ, графомъ Эрнестомъ Густавовичемъ Стакельбергомъ, бывшимъ тогда также адъютантомъ у князя А. П. Чернышова. Графъ Эрнестъ былъ того же свѣтскаго закала, какъ его сослуживецъ, но превосходилъ Вревскаго завлекательностію рѣчи и остроумными отвѣтами, и какъ всѣ Кавказцы, не отговаривался отъ предложеннаго бокала Шампанскаго. Были у него свои оригинальныя прѣреченія и названія вещей: такъ напр. онъ называлъ соленый огурецъ «la punition du vice» (наказаніе порока), по пріятности этой вещицы на слѣдующее послѣ излишней попойки утро, а Русскій уѣздный городъ онъ весьма вѣрно описывалъ въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: «Застава» (тогда таковыя еще существовали по всюду)—заборъ,—домъ,—заборъ, заборъ,—домъ—соборъ—домъ, заборъ, заборъ, домъ, заборъ, заборъ—застава». Онъ въ то время, въ товариществѣ съ молодымъ

*) Молодой баронъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій произведенъ вскорѣ послѣ въ полковники и, продолжая службу свою на Кавказѣ, былъ убитъ въ чинѣ генералъ-майора, въ началѣ 50-хъ годовъ.

княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Гагаринымъ¹⁾, печаталъ роскошное изданіе Кавказскихъ костюмовъ, первыми выпусками коего можно было любоваться въ магазинѣ эстамповъ Фельтена, у Полицейскаго моста. Рисунки съ натуры были князя Гагарина, а текстъ графа Э. Б. Стакельберга. О дальнѣйшемъ ходѣ этого изданія я ничего не знаю; но жаль весьма, если этотъ замѣчательный трудъ не доведенъ былъ до окончанія²⁾. Эта веселая молодая компанія чаще всего собиралась (за исключеніемъ князя Гагарина) у Сень-Жоржа, куда мнѣ стоило только спуститься съ лѣстницы. Почти что неразлученъ со Вревскими былъ ихъ зять (уже вдовецъ), полковникъ Трескинъ, начальникъ штаба (или что-то въ этомъ родѣ) въ Ставрополѣ, бывшій тогда въ отпуску, въ Петербургѣ. Онъ былъ обремененъ чудовидною толщиною, баковую я рѣдко видалъ и которая, при сангвинической комплекціи, угрожала его жизни апоплексическимъ ударомъ, что и сбылось немного лѣтъ спустя. И онъ былъ наипрѣятнѣйшій, дѣльнѣйшій господинъ и неутомимый анекдотистъ. Пріѣзжалъ ненадолго въ Петербургъ и другой зять Вревскихъ³⁾, Шёнигъ (нынѣ также умершій), семейство коего постоянно жило въ Ригѣ или въ Дерптѣ. Онъ былъ совершенно однихъ съ Вревскими и Трескинымъ свойствъ и свѣтскаго отбѣга.

Отъ Юлія Ѳеодоровича Минквица, служившаго недавно передъ тѣмъ на Кавказѣ, я узналъ о смерти тамъ воспитанника тещи моей, Александра Дерошѣ, поступившаго туда на службу юнкеромъ или вольноопредѣляющимся, около того времени, какъ я съ женою поѣхалъ въ Италію, т. е. въ 1836 году.

¹⁾ Нынѣ вице-президентъ Академіи Художествъ. Онъ сынъ бывшаго въ Мюнхенѣ, въ 1836 году, нашего посланника. Мать его была урожденная Соймонова, родная сестра известной С. П. Свѣчной, и какъ и она Католичка.

²⁾ Пересматривая нынѣ (въ 1870 году) эти Записки, я долженъ сдѣлать скорбную отмѣтку о преждевременной недавней кончинѣ графа Эрнеста Густавовича С. въ Парижѣ, гдѣ онъ уже былъ нашимъ посломъ; потеря тѣмъ болѣе чувствительная, что чуть-ли не находился онъ на дорогѣ замѣнить, со временемъ, нынѣшняго министра иностранныхъ дѣлъ, канцлера князя А. М. Горчакова. Уже въ началѣ 60-хъ годовъ постигло его въ Ниццѣ ужасное несчастіе лишиться жены отъ паденія вмѣстѣ съ нимъ изъ кабриолета; лошадь которою онъ правилъ, понесла. По расчету моему графъ Эрнестъ Густавовичъ умеръ 61 года отъ роду.

³⁾ Шёнигъ былъ пріемышемъ нѣкоей Анны Николаевны Зиновьевой, которая, будучи бездѣтною, завѣщала ему свое состояніе. Онъ служилъ вмѣстѣ съ братомъ моимъ и съ Николаемъ Ѳеодоровичемъ Бахметевымъ, между 1812 и 1820 годами, въ Главномъ Штабѣ, называемомъ тогда Чертежною, а съ послѣднимъ онъ (т. е. баронъ Шёнигъ) считался своимъ, потому что сказанная А. Н. Зиновьева была родною теткою матери Н. Ѳ. Бахметьева, рожденной Нарышкиной; она — сестра Таруской помѣщицы и старожилки, оставшейся незамужнею, Авдотьи Ивановны Нарышкиной. Къ послѣдней въ с. Лопатино пріѣзжалъ иногда Шёнигъ.

Хотя въ холостой компаніи я и осушалъ иногда лишній, можетъ быть, бокаль Шампанскаго, но это было изрѣдка и не въ привычку, какъ прежде, и въ сущности я преобразовался въ болѣе порядочнаго человѣка, нежели былъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Москвѣ: не окружалъ себя сомнительными личностями и не скучалъ, что мнѣ приходилось посѣщать высшее общество. Нерѣдко также бывалъ я у дальней нашей тетки (по ея мужу) Полянскій, жившей еще тогда въ семейномъ собственномъ домѣ на Англійской набережной ¹⁾. У г-жи Полянскій было два сына: Александръ и Михайлъ, и три дочери, Елисавета, Софья и Екатерина. Изъ дочерей только двѣ послѣднія были тогда замужемъ: Софья Александровна за Устиновымъ ²⁾, а Екатерина Александровна за нѣкимъ Леонтьевымъ, адъютантомъ при ген. Дубельтѣ и пасынкомъ г-жи Леонтьевой, бывшей уже тогда начальницею Смольнаго монастыря. Старшая изъ трехъ сестеръ, Елисавета Александровна, вышла позднѣе за Нижегородскаго помѣщика Зыбнина; у нея были рѣзковатыя черты, смуглое лице и толстыя губы, и въ ней находили поразительное сходство съ портретами императрицы Анны Ивановны. О сыновьяхъ Полянскихъ я весьма мало знаю; помню лишь, что Михайлъ Александровичъ былъ молодымъ весьма офицеромъ въ л. г. уланскомъ полку въ то время, когда я былъ прикомандированъ (въ 1830 г.) къ лейбъ-гусарскому полку ³⁾. Изъ сестеръ Полянскихъ хорошенькою (но не красавицею) можно было назвать одну Софью Александровну Устинову; хотя нельзя было указать ни на какую черту ея лица, заслужившую это названіе, но въ общей сложности она была пикантною брюнеткою и съ личикомъ, какія по французски называются «*minois chiffonné de fantaisie*» что по-русски непереводимо. Но каковò же было услышать позднюю ея исповѣдь, что когда братъ мой привезъ меня въ полной моей Павлоградской формѣ къ ея матери, на свѣтлый праздникъ въ 1830 году, то я произвелъ на нее, весьма молодую дѣвушку, глубокое впечатлѣніе, каковое она-де не скрывала отъ своихъ семейныхъ? Подобный успѣхъ польстилъ меня всего два раза въ жизни и тогда, когда я менѣе всего о немъ думалъ; а между тѣмъ, кто знаетъ? если бы, во время бурно-разгульной Царско-сельской моей жизни, кто нибудь шепнулъ мнѣ, что хорошенькая великосвѣтская дѣвушка вздыхаетъ не на шутку по мнѣ, эта новизна

¹⁾ Г-жа Полянскія была по себѣ Рибоьеръ; мужа ея я не засталъ въ живыхъ.

²⁾ Устиновы были коренные Москвичи, и имъ принадлежалъ огромный домъ на Воздвиженкѣ, гдѣ нынѣ помѣщается Казенная Палата.

³⁾ Одинъ изъ двухъ братьевъ Полянскихъ, женатый на иностранкѣ, переселился окончательно въ Вену.

вмѣстѣ съ романической тенденціею моего воображенія, можетъ быть, подстрекнула бы мое самолюбіе (а у меня его было и есть по ея пору вдоволь), и такъ какъ образъ графини Вѣры Григорьевны Чернышовой постепенно изглаживался въ моемъ воспомнаніи, то я поддался бы, пожалуй, этой новой игрѣ случая, и жизнь моя приняла бы совершенно иной, болѣе удачный, складъ.

Въ салонѣ Софіи Александровны Устиновой я однажды видѣлъ обѣихъ дочерей нашего исторіографа Карамзина. Старшая изъ нихъ Софія Николаевна была дородною и не первой молодости весталкою, слывшею подъ прозвищемъ «le bas bleu» (синій чулокъ) за педантическую (вѣроятно) ея склонность, а также «Ядра Россійской исторіи» за ея дородность. Вторая изъ нихъ, княгиня Мещерская, была очень собою миловидна. Близкаго знаومتва съ этими дамами я не заводилъ. Какъ достойная дочь Русскаго бытописателя, Софія Николаевна была ярою Руссофилою, и городскіе слухи упрекали ее въ разглашеніи о дуэли поэта Лермонтова (тогда офицера въ л.-гусарскомъ полку) съ кѣмъ-то изъ Французскаго посольства. Эти господа дрались на сабляхъ и въ четырехъ стѣнахъ, и поединокъ кончился, помнится мнѣ, безъ оцарапки; но тѣмъ не менѣе, когда слухъ о немъ дошелъ до Михайла Павловича, неумолимый его милитаризмъ осудилъ Лермонтова къ переводу на Кавказъ.

Однажды я обѣдалъ у Полянскихъ вмѣстѣ съ княгинею Ольгою Александровною Орловою (урожденною Жеребцовой), которую я не видалъ со времени моего отрочества, во Флоренціи, когда она считалась невѣстою герцога де-Монтебелло. Она вела въ Петербургѣ самую уединенную жизнь, и я никогда болѣе съ нею не встрѣчался до послѣдней моей поѣздки во Флоренцію въ 1862 году, гдѣ она оказала мнѣ самый дружественный пріемъ и участіе къ нервному моему тогдашнему разстройству, вызванному (какъ я уже упомянулъ) возвращеніемъ моимъ въ мѣстность, покинутаю мною за 23 года передъ тѣмъ до житейскаго моего крушенія *).

Г. Леонтьевъ (зять г-жи Полянскій) крайне обязательно представилъ и рекомендовалъ меня своему начальнику, генералу Дуббельту по дѣлу о вознагражденіи меня за Бородинскую, убыточную постройку. По этому же дѣлу я ходилъ на аудіенцію къ графу Бенкендорфу, который отклонился отъ него и совѣтывалъ мнѣ прямо отнес-

*) Княгиня Орлова поселилась съ начала 60-хъ годовъ окончательно во Флоренціи, гдѣ и купила великолѣпный палаццо, съ пространнымъ садомъ бывшій Скиозици (Schiozzi), въ улицѣ Ла Скала, который она отдѣлала съ современнымъ комфортомъ и роскошью, даже съ мебелью Петербургскаго фабриканта Гамбеа.

тись къ графу П. А. Клейнмихелю, до коего дѣло это ближе касалось, что я и сдѣлалъ; но изъ всѣхъ этихъ мытарствъ и шарканій по приемнымъ заламъ ничего ровно не вышло.

Отмѣчу вкратцѣ, что если въ Петербургѣ проводить просителя на бобахъ, то по крайней мѣрѣ съ неизвѣрно учтивыми формами, и даже провожаютъ его иногда до самой передней.

Меня отыскалъ дальній нашъ родственникъ, Дмитрій Антоновичъ Станкеръ, съ коимъ я не видался съ Бухареста (осенью 1828 года), когда онъ приютилъ меня на своей квартирѣ. Теперь онъ былъ въ статской службѣ экзекуторомъ канцелярш министра госуд. имуществъ графа Киселева, расположеніемъ коего онъ продолжалъ пользоваться, и имѣлъ казенную квартиру въ домѣ министерства. (Я уже упоминалъ, что онъ былъ некогда адъютантомъ при графѣ Киселевѣ въ бытность послѣдняго главнымъ начальникомъ Придунайскихъ княжествъ). Станкеръ былъ женатъ на дочери Француза, нѣкоего Курмана, содержателя пансіона, гдѣ всѣ трое братья Станкеры первоначально обучались на иждивеніи матери моей; г-жа Станкеръ была достойная молодая женщина, вся преданная семейнымъ своимъ обязанностямъ¹⁾.

Почтенный Петръ Ивановичъ Жилле бодрствовалъ еще въ описываемое мною время, не взирая на преклонные свои года, продолжалъ педагогическую свою дѣятельность и по два раза въ недѣлю ѣзжалъ для преподаванія лекцій Французской литературы въ Царскосельскій лицей. Житейское его положеніе было обезпечено не только пенсіономъ полнаго оклада по разряду 5 класса по Министерству Народнаго Просвѣщенія (для полученія каковаго онъ отказался отъ слѣдующаго ему чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника), но онъ получалъ еще пенсіонъ изъ дома Кочубеевыхъ, за окончаніе воспитанія молодыхъ князей Льва, Василія и Михаила Викторовичей. Старый наставникъ брата моего, графа Петра Дмитриевича, былъ всегда тронуть и обрадованъ, когда я заходилъ къ нему на Среднемъ проспектѣ за Владимірскою церковью²⁾.

Нерѣдко проводилъ я вечера у графини Вѣры Григор. Паленъ, играя на билиардѣ съ ея мужемъ, графомъ Федоромъ Петровичемъ.

¹⁾ Она и теперь въ живыхъ, въ нуждающемся положеніи, и добрая двоюродная сестра моя Надежда Александровна Гавришенко помогаетъ вдовѣ Станкера ежегоднымъ небольшимъ пенсіономъ.

²⁾ Жена его, Вѣра Андреевна (рожденная Гольцъ), по сію пору (въ 1870 г.) жива, но совершенно ослѣпла. Она живетъ въ Ярославской губерніи у своей племянницы Анны Антоновны Виговской.

При всемъ, томъ, что онъ былъ тогда членомъ Государственнаго Совѣта, онъ сохранялъ какъ прежде, такъ и до конца, всю независимость и самостоятельность мнѣній, гнушаясь рабскаго поклонничества двору и называя лицъ склонныхъ къ тому царугодниками *). Былъ я также два два у князя Иларіона Васильевича Васильчикова, не задолго передъ тѣмъ назначеннаго предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, на мѣсто умершаго графа Новосильцова, а также и у брата его Дмитрія Васильевича, принимавшаго участіе съ моихъ запутанныхъ дѣлахъ. Жена его была дружна съ моею матерью, во время общей ихъ молодости, и современницы г-жи Васильчиковой продолжали звать ее просто Аглаіею.

Нельзя было мнѣ пренебрегать и салономъ Екатерины Владимировны Апраксиной. Вечернюю каждодневную партію Екатерины Владимировны (въ вистъ или бостонъ) составлялъ князь Петръ Владимировичъ Долгоруковъ, авторъ Родословной Книги Русскихъ дворянскихъ фамилій, слывшій между молодежью подъ прозвищемъ «bancal» отъ физическаго недостатка (одна нога у него была короче другой). Молодежь подсмѣивалась надъ нимъ, особенно помнится мнѣ, по причинѣ его скаредности; да и вообще меня поразила непочтительная отчасти фамиліарность, съ каковою обходились съ нимъ иные молодые люди и на которую онъ какъ бы не обращалъ вниманія. Однажды при развѣздѣ изъ Михайловскаго театра, когда шелъ сильный дождь, двое великосвѣтскихъ молодыхъ людей, знавшихъ, что, не взирая на мокрую погоду, князь П. В. Долгоруковъ поскупился взять экипажъ, научили швейцара, провозглашавшаго, какъ водится, фамиліи хозяевъ подъѣзжавшихъ каретъ, закричать «князя Долгорукова калоши», которыя онъ оставлялъ обыкновенно у швейцара. Я долженъ однакоже сказать, что при первой моей съ нимъ встрѣчѣ, когда онъ узналъ, что я тотъ самый графъ Михайло Бутурлинъ, коего онъ заочно помѣстилъ въ свою книгу древнихъ фамилій, онъ, помнится кивнулъ мнѣ на шею.

Я отдалъ также по визиту стариннымъ друзьямъ моего отца, князю Александру Николаевичу Голицыну и Алексѣю Николаевичу Оленину. Пресловутый нѣкогда Александровской эпохи дѣятель, мистикъ и подъ конецъ обскурантъ, не занималъ болѣе тогда никакой должности и вскорѣ переѣхалъ на постоянное жительство въ Крымское

---

*) Много позднѣе, при нынѣшнемъ уже должно быть Государѣ Александрѣ Николаевичѣ, онъ отказался напрямикъ отъ мѣста министра финансовъ, каковое Государь просилъ его принять, потому-де что часть эта была совершенно незнакомою ему. Немного, кажется, можно насчитывать примѣровъ подобной служебной добросовѣстности.

свое помѣстье, гдѣ и умеръ въ 1844 году. Ветеранъ-президентъ Академіи Художествъ, достойный нѣкогда патронъ Крылова и Гнѣдича, А. Н. Оленинъ сохранялъ еще тогда всю свѣтлость ума и, слѣдя за всемірною наукою, удивилъ меня своими распросами о какомъ-то Итальянскомъ антикваріи (кажется, г. Сестини), о которомъ хотя я и слышалъ во Флоренціи, но не подозрѣвалъ, что онъ могъ быть извѣстенъ въ Россіи; а между тѣмъ А. Н. Оленинъ былъ съ нимъ въ перепискѣ. Нечего и говорить, что старикъ былъ повидимому тронутъ моимъ вниманіемъ и дорожилъ памятью о моемъ отцѣ.

Слѣдовало давно мнѣ сказать, что, съ первыхъ дней моего пріѣзда въ Петербургъ, я отыскалъ Варвару Александровну Шатилову (жившую тогда въ домѣ Жерве на углу Итальянской улицы и Михайловской площади) и сразу сдѣлался своимъ человѣкомъ у нея въ домѣ: обѣдывалъ безъ всякаго приглашенія и часто проводилъ вечера. (О ней придется говорить дальше, а покуда отмѣчу, что я однажды у ней встрѣтился съ Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, съ которымъ не видался со времени моего посѣщенія его въ Адрианополь, осенью 1829 года, гдѣ онъ находился при дипломатической канцеляріи фельд-маршала графа Дибича. Будучи какъ-то предупрежденъ противъ него, я оскорбительно-холодно отозвался на дружескій его пріемъ; но, вскорѣ убѣдившись въ неосновительности моихъ о немъ мнѣній, бывалъ у него и всячески старался загладить мою вину ¹⁾). Состоя въ то время за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Синодѣ, онъ рассказывалъ мнѣ, что, ощущая сильное призваніе служить болѣе дѣйствительнымъ образомъ нашей церкви, онъ желалъ вступить въ монашество и что его начальникъ, графъ Протасовъ объявилъ ему, что этого онъ никогда не допуститъ, пока будетъ Синодскимъ оберъ-прокуроромъ. Обстоятельство это даетъ поводъ подозрѣвать, что въ правительственномъ духовномъ вѣдомствѣ не желали имѣть въ высшей іерархіи (а еще менѣе епископствѣ), людей изъ извѣстныхъ фамилій, съ утонченнымъ свѣтскимъ образованіемъ, а главное, съ независимымъ образомъ мыслей и съ связями въ высшемъ обществѣ. Понятно, что съ сановниками церкви изъ черноризцевъ-плебеевъ, ибо почти что таковою представляется намъ къ сожалѣнію нынѣшняя духовная каста ²⁾), лег-

¹⁾ Не могу дать себѣ по сю пору отчета, почему А. Н. Муравьевъ, никому не сдѣлавшій вреда, имѣеть столь много недрузей.

²⁾ Не могу отказать себѣ въ удовольствіи изложить взглядъ графа С. С. Уварова на наше духовное сословіе. „Cette caste là“, говаривалъ онъ, „с'est comme une feuille de papier, jetée par terre: vous marchez dessus sans pouvoir l'écraser“. (Эта каста все равно какъ брошенный на полъ листъ бумаги; какъ бы вы ни топтали его, а раздавить нельзя). Хотѣлось бы мнѣ спросить пресловутаго нѣкогда министра народнаго просвѣщенія, зачѣмъ

че было управляться шпорами и ботфортами флигель-адъютанта полковника графа Протасова, чѣмъ съ людьми знатнаго происхожденія. *Казенщина*, этотъ официальный характеръ, приданный нашей церкви, ей вредитъ и даетъ иностранцамъ поводъ говорить (и не безъ основанія), что у насъ императоръ глава церкви. Да и какже онъ не глава, когда Синодскіе и консисторскіе указы имѣютъ въ заголовкѣ: по указу Его Императорскаго Величества?

Виновать я предъ А. Н. Муравьевымъ въ томъ, что пѣтизмъ его я считалъ (какъ иные также считали) неискреннимъ и притворнымъ. Въ доказательство его лицемерія и честолюбія выставляли на видъ его камергерскій ключъ. Но онъ увѣрялъ меня, что не токмо никогда не добивался до него, но неожиданная совершенно эта придворная почестъ стоила ему слезъ, а отказаться отъ монаршаго отличія понятно, что онъ не могъ. Пожалуй, что это была штука, подготовленная графомъ Протасовымъ, чтобы окончательно преградить ему путь къ поступленію въ черное духовенство. Говорю черное, потому что А. Н. Муравьевъ никогда, кажется, не намѣревался измѣнить холостой жизни*). Въ былое время мы видали на Московской митрополичьей кафедрѣ и въ Малороссіи первосвятителей изъ дворянскихъ родовъ, каковыми были св. Алексѣй изъ фамиліи Плещеевыхъ, Филиппъ Колычевъ, Иоасафъ Скрыпичинъ, а во время Петра I-го, Кіевскій митрополитъ, князь Четвертинскій. Допускалось же это Польскою республикою (коей подчинена была тогда Малороссія по правому берегу Днѣпра), не считавшею церковныхъ сановниковъ (иноуврческой для нея церкви) аристократическаго происхожденія болѣе опасными, чѣмъ изъ плебеевъ. Мнѣ сдается, что если бы у насъ былъ въ высшемъ духовенствѣ люди такихъ же свѣтскихъ условий, въ какихъ состоитъ А. Н. Муравьевъ, то не токмо моральное значеніе епископства отъ этого бы выиграло, но толчокъ былъ бы данъ міря-

---

нужно было ему раздавить эту касту и кѣмъ бы онъ ее замѣнилъ при особенной неразвитости тогдашняго Русскаго общества? Лицо, передавшее мнѣ этотъ отзывъ, въ правдивости коего не имѣю повода сомнѣваться, казалось восхищеннымъ этою острою. Вотъ офранцузенное настроеніе общества, въ коемъ бонмотистъ величался политическимъ мыслителемъ.

*) Графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой отмѣтилъ карандашемъ противъ этого мѣста слѣдующее: „А развѣ нельзя было поступать въ духовенство и холостому человѣку?“ На это я ему возражу, что хотя церковными законами это не запрещалось, но на практикѣ холостые священники не допускались у насъ до первой половины нынѣшняго вѣка. Первымъ примѣромъ этого было посвященіе митрополитомъ Филаретомъ въ священники профессора Московской Духовной Академіи, А. В. Горскаго, нынѣ протоіерея и ректора этой академіи. Этимъ покойный митрополитъ возбудилъ недобрительные отзывы въ средѣ нѣкоторыхъ лицъ духовенства. Одного изъ нихъ, нынѣ въ санѣ архимандрита, я знаю; а легко быть можетъ, что онъ не исключеніе.

намъ изъ дворянъ поступать на служеніе церкви по призванію, а не изъ безвыходнаго кастоваго положенія, коему обречены дѣти священниковъ и церковнослужителей. Нашлись бы міряне съ религіознымъ призваніемъ, а такъ такъ не всѣ же они могли бы достигать епископскаго сана, то нашлись бы со временемъ и въ бѣломъ духовенствѣ священники, коимъ народъ отвыгъ бы присвоивать названіе попа, въ презрительномъ смыслѣ, и обзывать кутейниками. Кромѣ того, люди имѣвшіе свое независимое (хотя бы и незначительное) состояніе были бы уже этимъ обезпечены отъ позорной необходимости существовать одними подаваніями своихъ прихожанъ и духовныхъ чадъ. Естественное же сопркосновеніе высшихъ церковныхъ сановниковъ съ обществомъ, къ средѣ коего они бы принадлежали, имѣло бы то благотворное послѣдствіе, что они стояли бы на сторожѣ противъ всякаго врагдванія въ то общество лжеученія, болѣе чѣмъ въ этомъ смыслѣ могутъ дѣйствовать нынѣшніе достопочтенные наши іерархи, чуждые жизни высшаго круга: мнѣнія человѣка, съ коимъ мы выросли и продолжаемъ видаться каждадневно, спльнѣе на насъ дѣйствуютъ, нежели взгляды того, съ кѣмъ мы изрѣдка только встрѣчаемся и кто не принадлежитъ къ нашей сферѣ, хотя бы мы питали полное въ личности его уваженіе. Противъ этого возразить, можетъ быть, что монахи должны быть монахомъ, т. е. человѣкомъ отчужденнымъ отъ всякихъ свѣтскихъ связей; но вѣдь монахомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова (т. е. отшельникомъ) нельзя назвать нашихъ епископовъ, пбо церковное ихъ сановничество переходитъ въ государственное, пначе въ казенницу. Одинъ весьма ученый молодой архимандритъ, пвспекторъ въ 50-хъ годахъ Калужской духовной семинаріи, сказалъ однажды при мнѣ, что онъ смотритъ на свой архимандритій санъ, какъ на степень къ повышенію, и это совершенно вѣрно.

Возвращаюсь къ А. Н. Муравьеву. И такъ я убѣдился, что онъ вполнѣ вѣрующій человѣкъ, а не лицемѣрный ханжа. Мое холодное съ нимъ обхожденіе, при нашей встрѣчѣ въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе его опечалило, что онъ съ перваго дня нашего знакомства въ Москвѣ, въ домѣ княгини Зенанды Александровны Волконской, въ началѣ 1827 года, всегда питалъ дружественное ко мнѣ расположеніе и все опасался моего перехода въ Латинство, по примѣру моихъ семейныхъ. Въ Петербургѣ былъ особый кругъ молодежи около него, и въ томъ кругу Лермонтовъ.

Немного позднѣе, Андрей Николаевичъ былъ въ Италиі и посѣщала мою мать во Флоренціи, на пути въ Римъ. Она приняла его дружжелюбно, какъ брата Николая Николаевича, коего она пскренно

любила и уважала; но, вообразивъ себѣ, что Римъ можетъ поколебать религіозныя убѣжденія Андрея Николаевича, она нетерпѣливо ожидала что онъ ей сообщитъ о вынесенныхъ имъ оттуда впечатлѣніяхъ. «А вотъ что я вамъ сообщу, графиня, сказалъ онъ ей, возвратившись съ береговъ Тибра: послѣ всего, видѣннаго мною въ Римѣ, я только понялъ возможность ересей Лютера и Кальвина, чего я никакъ не могъ объяснить себѣ прежде».

Помню одно весьма вѣрное его замѣчаніе, что, гуляя по Невскому проспекту и встрѣчая одну за другою иновѣрческую церковь, Армянскую, Римско-Католическую, Лютеранскую и Реформатскую, вы поражаетесь этою полною терпимостью всякихъ вѣроисповѣданій, тогда какъ въ сущности у насъ преобладаетъ не терпимость чужихъ вѣръ, а скорѣе индифферентизмъ къ нашей.

Андрей Николаевичъ былъ очень друженъ съ архимандритомъ Сергіевской обители (впослѣдствіи епископомъ) Игнатіемъ Брянчаниновымъ, поступившимъ незадолго передъ тѣмъ въ монашество изъ инженерныхъ офицеровъ, а по себѣ онъ былъ Вологодскимъ дворяниномъ. Съ о. Игнатіемъ случилось этою зимою непріятное приключеніе ¹⁾. Татьяна Борисовна Потемкина, желая доказать иностранцамъ, что и въ нашемъ духовенствѣ есть люди цивилизованные и ученые, не менѣе иностраннаго духовенства, позвала однажды къ себѣ обѣдать кого-то изъ акредитованныхъ при нашемъ дворѣ дипломатовъ (кажется Французскаго, виконта де-Баранта), сопровождавшаго его Французскаго аббата, а также и архимандрита Игнатія. Во время стола завязалась между обоими духовными лицами религіозная контроверсія (о. Игнатій свободно говорилъ по-французски), и защитникъ Православія, не приготовленный (вѣроятно) встрѣтить столь сильнаго оппонента въ богословіи, провалился окончательно. Государь, узнавъ о приключеніи, сильно прогнѣвался и повелѣлъ (якобы) побѣжденному архимандриту не выѣзжать изъ стѣпъ своего монастыря, впредь до высочайшаго разрѣшенія, и затѣмъ якобы запретилъ впредь всѣмъ монашествующимъ болтаться по аристократическимъ обѣдамъ и сборищамъ ²⁾.

¹⁾ Кстати о Сергіевской пустынь. Говорятъ, что тамъ на одномъ надгробномъ памятникѣ читалась слѣдующая эпитафія. „Здѣсь покоятся бранные останки умершаго надворнаго совѣтника N, коему не доставало только три мѣсяца для полученія чина коллежскаго асессора. Господи! Приими его душу въ мирѣ“. Архим. Игнатій велѣлъ однакоже (какъ я слышалъ) уничтожить эту эпитафію.

²⁾ Въ недавно прочтенной мною статьѣ, въ журналѣ „Душеполезное Чтеніе“, подъ заглавіемъ „Воспоминанія о недавно умершей (въ прошломъ 1869 году) Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной“, авторъ передаетъ этотъ самый разговоръ, какъ слышанный отъ нея

Славился въ то время въ Петербургѣ проповѣдникомъ и человѣкомъ замѣчательнаго якобы ума протоіерей Исаіевскаго собора Маловъ. Съ нимъ я встрѣтился всего одинъ разъ, и то позднѣе, на похоронахъ баронессы д'Огеръ, въ концѣ 1845 года, и потому судить мнѣ о немъ трудно; но во всякомъ случаѣ не сочувствую одной его выходкѣ, переданной мнѣ хорошо извѣстною мнѣ особою, что однажды, во время ея и дочери ея говѣнія, передъ самымъ ихъ причащеніемъ, священнодѣйствующій протоіерей Маловъ, стоя у отверзтыхъ уже царскихъ дверей, съ св. чашею въ рукахъ, отнесся къ говѣющимъ съ слѣдующими (приблизительно) словами: «Братія и сестры возлюбленные! Обратитесь къ вашей совѣсти, и если она скажетъ вамъ, что вы недостойны приступить къ сему священному и страшному таинству, то умоляю васъ, не приступайте къ нему». Къ чему было колебать совѣсть кающихся, грѣхи коихъ онъ же имъ отпустилъ и счелъ достойными приобщаться святыхъ таинъ? Не смѣю думать, чтобы онъ увлекся желаніемъ произвести эффектъ на слушателей, но нахожу, что едва-ли эта выходка согласна съ канонами.

Къ этому времени относится начало неблаговоленія Государя (Николая Павловича) къ митрополиту Филарету. Что именно подало къ тому поводъ, съ точностію не знаю; разные слухи носились о томъ въ обществѣ, на примѣръ, что будто-бы на заявленное Государемъ желаніе сократить, если возможно, нѣкоторыя церковныя службы, митрополитъ якобы отозвался, что можно было бы допустить только одно сокращеніе, исключая частыя повторенія всѣхъ лицъ императорскаго дома. Во всякомъ случаѣ, царское неудовольствіе должно быть отнесено къ чести незабвеннаго іерарха, ибо онъ отстаивалъ неприкосновенность всего строя нашей церкви, какъ въ догматическомъ, такъ и въ дисциплинарномъ и обрядовомъ отношеніяхъ. (Теперь я вспомнилъ, что чуть-ли не предложено было Государемъ о формальномъ разрѣшеніи браковъ между двоюродными). Митр. Филаретъ объявилъ, что рука его скорѣе отсохнетъ, чѣмъ подпишетъ какое-либо отступ-

---

самой. Онъ разнится съ моею версіею въ томъ, что обѣдъ былъ не у Т. Б. Потемкиной, а у Французскаго посланника виконта де-Баранта, и что это именно обстоятельство вызвало сильное неудовольствіе Государя, потому что дипломатическія наши съ Франціею сношенія были натапнутыми; а тамъ же сказано, что архим. Пгнатій не претерпѣлъ-де никакого пораженія въ преніяхъ съ Французскимъ аббатомъ. Источникъ этотъ вѣрнѣе, быть можетъ, моего, основаннаго на однихъ городскихъ слухахъ; тѣмъ не менѣе дозволю себѣ замѣтить, что хотя Государь въ душѣ никогда не помирился съ Лудовикомъ Филиппомъ (потому что считалъ этого короля узурпаторомъ), но въ началѣ 1840-го года ни о какой натапнутости нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Франціею публикѣ, сколько помнителъ мнѣ, не было извѣстно.

леніе отъ существующихъ новыхъ церковныхъ правилъ, и затѣмъ всеподданнѣйше просилъ о разрѣшеніи ему возвратиться къ своей частвѣ въ Москву. Разрѣшеніе это не замедлило послѣдовать, и онъ съ того времени уже не пріѣзжалъ болѣе въ Петербургъ присутствовать въ Святѣйшемъ Синодѣ. Поддержки же отъ впадшаго почти въ дѣтство подъ бременемъ годовъ Петербургскаго митрополита Серафима Московскій іерархъ не могъ имѣть. Рассказывали даже, что будто-бы престарѣлый Серафимъ подтрунивалъ надъ своимъ собратомъ и называлъ его изгнанникомъ; но какъ я уже объяснилъ, онъ выжидалъ почти изъ ума.

Въ Питерѣ весь интересъ общества поглощается, какъ извѣстно, сіяющимъ магнитомъ двора; на него обращены взоры не токмо тѣхъ избранныхъ счастливицевъ, что имѣютъ входъ въ Зимній дворецъ, но даже несчастныхъ аличущихъ этой обитованной земли, пмъ недоступной по ихъ сферѣ. Явленіе это поражаетъ сначала вновь пріѣзжаго провинціала или Москвича; но онъ вскорѣ убѣждается, что оно присуще всей Невской атмосферѣ, составляя какъ-бы ея міазмъ, и затѣмъ мирится и привыкаетъ къ этому явленію. Пріѣзжему могло также казаться страннымъ выраженіе женскихъ восторговъ отъ персоны Императора; то и дѣло слышалось: «Какъ Государь былъ хорошъ вчера въ кирасирской формѣ», или «какъ присталъ къ нему казацкій мундиръ, въ которомъ онъ сегодня прогуливался по Невскому». Влюбляясь, правда, наши бѣломондныя барыни предыдущаго поколѣнія въ императора Александра Павловича, но платонически, какъ въ существо неземное, а наподобіе ангельскаго, тогда какъ восторгъ къ императору Николаю отзывался чѣмъ - то плотскимъ: вотъ въ чемъ была разниа. Впрочемъ дѣйствительно императоръ Николай былъ тогда въ погѣ красоты; но немного позднѣе животь у него стала быстро прибавляться, въ ущербъ величественной его фигурѣ. Хотя я принадлежу, какъ не разъ уже заявлялъ, къ сторонникамъ этого царя, но ради исторической истины передамъ нѣкоторыя, ходившіе по городу о немъ анекдоты, выказывающіе слабыя его стороны. Прогуливаясь въ 1839 году по Невскому проспекту, онъ наткнулся на одного молодого господина въ длинныхъ по плечамъ волосахъ и съ козлиною бородою (что тогда почти официально было запрещено), въ короткомъ по поясъ плащикѣ (*à la Lucifer*, какъ это называлось), или что-то въ этомъ родѣ, и чуть ли не въ остроконечной шляпѣ (*en tête de sucre*), словомъ картишка послѣдняго Французскаго журнала. Государь остановилъ его и спросилъ, какъ его зовутъ. «Вѣрноподанный Яковлевъ», отвѣчалъ фраптикъ, трясясь съ ногъ до

головы. «Садитесь со мною» сказалъ Императоръ, и за тѣмъ повезъ несчастнаго въ своей коляскѣ во дворецъ, повелъ его къ Императрицѣ и сказалъ: «Имѣю честь рекомендовать тебѣ вѣрноподданнаго Яковлева», и затѣмъ, заставивъ его повертываться на всѣ стороны, чтобы явнѣе выказать его костюмъ, отпустилъ съ миромъ. Вотъ еще другой анекдотъ. Однажды, на дворцовомъ балѣ, одинъ изъ дежурныхъ камергеровъ молодой Полякъ, Полчинскій, подошелъ къ Австрійскому посланнику сказать ему, согласно придворному этикету, что великая княгиня Марія Николаевна желаетъ танцевать съ нимъ, но отступилъ при этомъ отъ принятой формулы и сказалъ попросту: *La grande-duchesse Marie désire danser avec vous, m-r l'ambassadeur* ¹⁾. На его бѣду стоявшій вблизи Государь это слышалъ и, схвативъ за руку плохо дрессированнаго камеръ-юнкера, повелъ его къ тому же дипломату и громко пропнесь: «*Son Altesse Impériale madame la grande-duchesse Marie Nicolaevna veut vous faire l'honneur de danser avec vous, m-r l'ambassadeur* ²⁾», и за тѣмъ, отпустивъ руку оробѣвшаго царедворца, отвернулся и довольно громко добавилъ «дуракъ!» Повѣрить ли читатель, что вѣкій пзвѣстный того времени литераторъ и популярный членъ Англійскаго клуба и всего почти общества (фамиліи коего не желаю высказать) восхищался этою выходкою Императора, коего называлъ по этому поводу молодцемъ и выхвалялъ его находчивость? ³⁾.

Такъ какъ «нѣтъ льсти въ языкѣ моемъ» то и закончу эту незрачную сторону характеристика покойнаго Императора, память коего я тѣмъ не менѣе глубоко чту, однимъ еще анекдотомъ. На домогательство славнаго нашего трагика Каратыгина объ увольненіи его изъ театральной службы Государь приказалъ, будто бы, передать ему, что въ такомъ случаѣ родъ служенія его измѣнится и что ему готово мѣсто фланговаго человѣка въ 1-й ротѣ Преображенскаго полка. Известно, что Каратыгинъ былъ гигантскаго почти роста ⁴⁾.

¹⁾ Великая княгиня Марія желаетъ танцевать съ вами, г. посолъ.

²⁾ Ея императорское высочество, государыни великая княгиня Марія Николаевна желаетъ сдѣлать вамъ, г. посолъ, честь протанцевать съ вами.

³⁾ Читатель повѣритъ, особенно если узнаетъ, что этотъ камергеръ Полчинскій былъ дѣйствительно дуракъ. (Примѣчаніе графа Д. Н. Толстого). Выскажу кстати мое мнѣніе о почившей императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Общій о ней отзывъ былъ, что она занята одними нарядами; однакоже она сумѣла привязать къ себѣ всѣхъ близкихъ къ ей особъ людей, тогда какъ, при второстепенномъ Михайловскомъ дворѣ, приближенные къ Михаилу Павловичу столь же любили его, сколько не жаловали великую княгиню Елену Павловну, не взирая на болѣшую ея общественную дѣятельность.

⁴⁾ Этотъ анекдотъ требуетъ подтвержденія. Я былъ дружески знакомъ съ Каратыгинимъ и нечего подобнаго не слыхивалъ. Примѣчаніе графа Д. Н. Толстого.

Упомянувъ о театральныхъ маскарадахъ, отмѣчу, что Государь былъ великій до нихъ охотникъ: можно было видѣть его ходившимъ тамъ по цѣлымъ часамъ подъ руку то съ однимъ, то съ другимъ женскимъ доминò, закулиснаго, а пожалуй и еще менѣ почетнаго міра. Государевы панегиристы говорили, что онъ этимъ-де способомъ узнаётъ многое, чего иначе не могъ бы никогда узнать. Сомнѣваюсь весьма, чтобы изъ этого могла бы произойти какая-либо государственная польза, а скорѣе думаю, что это было для Императора просто развлеченіемъ.

Въ императорскомъ семействѣ князь Петръ Михайловичъ Волконскій, тогдашній министръ двора, былъ тоже самое, что старый дядька въ барской семьѣ былого времени; точъ вточъ также ворчалъ, когда дѣлалось то, чего онъ не одобрялъ, или расходовалось по домохозяйству двора болѣе чѣмъ предполагалось по смѣтѣ; также выговаривалъ великимъ княжнамъ, когда онѣ по мнѣнію его нехорошо себя держали или брали позы, несвойственныя дѣвицамъ столь высокаго положенія. Домогаясь изо всѣхъ силъ ввести строгую экономію въ дворцовое хозяйство, онъ одинаково былъ скупъ къ самому себѣ, къ своей семьѣ, и всячески старался избѣгать выдачи денежныхъ награжденій подчиненнымъ ему, служащимъ по Министерству Двора, за что и прозванъ былъ «le Prince Non *); но никто не можетъ запятнать его память упрекомъ въ корыстолюбивыхъ наклонностяхъ: въ этомъ откошеніи онъ былъ чистъ, какъ хрусталь. Когда тетка его, княгиня Екатерина Алексѣевна Волконская (прозванная въ обществѣ «la Tante Militaire»), передала ему еще при своей жизни одно большое свое имѣніе, то Государь, узнавъ, что это имѣніе обременено весьма большимъ долгомъ Сохранной Казнѣ, воспользовался этимъ обстоятельствомъ и прислалъ ему въ видѣ подарка на праздникъ Пасхи (кажется, 1844 года) значительную сумму (въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей) нужную для выкупа. Государь сдѣлалъ это потому болѣе, что затруднялся въ выборѣ награды, такъ какъ всѣ возможные ордена и портреты, осыпанные брилліантами, у него уже были. Князь не на шутку обидѣлся денежнымъ подаркомъ, называя его безчестіемъ старому слугѣ, какъ онъ, и хотѣлъ было сгоряча пожертвовать всѣми этими

---

*) Князь нѣтъ. Отмѣчу мимоходомъ слышанное мною изъ достовѣрнаго источника, что послѣ 1814 года союзные государи возымѣли желаніе подарить князю Петру Михайловичу знаменитый замокъ на Рейнѣ Юганисбергъ, какъ лицу болѣе прочихъ близкому къ особѣ императора Александра; но самъ Государь не изъявилъ на то своего согласія, не желая даже для своего подданнаго територіальнаго вознагражденія отъ Европейской коалиціи (такъ по крайней мѣрѣ представляется мнѣ этотъ его отказъ). Замокъ этотъ былъ подаренъ князю Метерниху, сынъ коего понынѣ имъ владѣеть.

деньгами въ пользу инвалидовъ. Когда же семейные его уговорили его отступить отъ сего намѣренія, то онъ заперъ деньги въ бюро, гдѣ онѣ долго лежали безъ всякаго употребленія, и наконецъ рѣшился отдать ихъ, если не ошибаюсь, своей дочери А. П. Дурновѣ.

Вышепомянутая княгиня Волконская, рожденная Мельгунова, не удостоена была (къ крайнему ея, какъ слышно было, прискорбію) никакихъ придворныхъ почестей, не смотря на высокое значеніе ея племянника, по той причинѣ, что покойный ея мужъ, занимавшій какое-то высокое мѣсто (кажется, не по интенданству ли) находился нѣкогда подъ судомъ. Позднѣе я познакомился въ Петербургѣ съ нѣкимъ г. Мельгуновымъ, родственникомъ княгини Екатерины Алексѣевны; это былъ господинъ лѣтъ 50, болѣзненный, кривой на одинъ глазъ, весьма неопрятный и вообще отталкивающей наружности. Онъ рассказывалъ мнѣ, что какъ онъ только прочтетъ въ газетахъ, что такая-та княгиня или графиня назначена штатсъ-дамою, или получила Екатерининскій крестъ, то сейчасъ же отправляется съ этими извѣстіями къ княгинѣ Е. А. Волконской и наслаждается ея досадою и завистью къ этимъ особамъ, вкушающимъ запретный для нея плодъ: въ этомъ состояло единственное возможное ему мщеніе за то, что княгиня лишила его частицы наслѣдства, передачею своего имѣнія въ родъ князей Волконскихъ, вмѣсто Мельгуновыхъ.

Княгиня Софія Григорьевна Волконская (жена кн. Петра Михайловича) была достойнѣйшая женщина, но оригиналка въ своихъ житейскихъ привычкахъ и феноменальной скупости. Уже съ половины 30-ыхъ годовъ, она рѣдко, и то на короткое только время, показывалась въ Петербургѣ, и одна, безъ горничной, странствовала по всей Европѣ *). Всегдашнимъ костюмомъ ея было черное шелковое платье, и по мѣрѣ того какъ рукава изнашивались, она замѣняла ихъ новыми, отличавшимися отъ остальной части платья, принявшей буроватый отъ времени оттѣнокъ. Останавливалась она въ невзрачныхъ, самыхъ дешевыхъ гостиницахъ, а какъ въ Италіи было обычнымъ включать въ поденную за номеръ плату пару восковыхъ (а впоследствии стеариновыхъ) свѣчей, стоявшихъ готовыми на столѣ въ каждомъ номерѣ, то княгиня (если вѣрить слухамъ) вставляла въ шандалы пару огарковъ, находившихся у нея въ запасѣ, а цѣлыя свѣчи клала въ особенный для того чемоданъ, такъ что, подъ конецъ ея путешествія, чемоданъ

---

*) Я слышалъ, что она и смолоду была эксцентрична: такъ, напримѣръ, прискакавъ въ 1812 году въ Нижній-Новгородъ, въ самую заутреню подъ свѣтлый праздникъ, одна, съ фельдшеромъ въ телѣгѣ, она не нашла гдѣ помѣститься, потому что все постоянные дворы были заняты, а адресовъ ея знакомыхъ тамъ она не имѣла, и должна была провести всю ночь на площади.

былъ биткомъ набить свѣчьми. Отправившись изъ Паржа въ Лондонъ, въ началѣ 1837 года, по случаю коронаціи королевы Викторіи, она захватила съ собою свои брилліанты, на случай если бы пришлось ей представляться къ Англійскому двору. Проѣздомъ изъ Дувра въ Лондонъ, она полѣзла за чѣмъ-то въ ручной своей мѣшокъ, куда скѣмкала кое-какъ свои брилліанты, и пассажиры дилижанса (или вагона), сидѣвшіе съ нею, увидавъ столь несообразныя съ ея убогою наружностію драгоцѣнности, приняли ее за сомнительную личность; а какъ того же мнѣнія былъ и кондукторъ, то когда поѣздъ прибылъ въ Лондонъ, ее задержали, и о семъ происшествіи дали знать полиціи. Нечего было дѣлать, и княгиня вынуждена была послать записку объ этомъ нашему посланнику, который, изумленный полученнымъ извѣстіемъ, прискакалъ выручить жену министра Россійскаго двора. Что Русскій чай пересылали ей за границу съ нашими дипломатическими курьерами, это понятно; потому что въ то время такъ называемаго караваннаго чая невозможно было тамъ достать; но кромѣ чая, она писала къ мужу (или къ сыновьямъ), чтобы ей высылали также сургучу, дабы избѣгнуть траты на покупку онаго. Однажды, въ бытность ея въ Миланѣ, она пошла навѣстить поселившуюся тамъ графиню Юлію Павловну Самойлову, но не заставъ ея дома (такъ какъ графиня была въ то время на своей виллѣ въ горахъ близъ городка Варезе) захотѣла осмотрѣть весь недавно отдѣланный графинею палаццо. Войдя въ дѣвичью, гдѣ застала графининыхъ горничныхъ за обѣдомъ, она захотѣла попробовать что онѣ ѣли, потому-де что любитъ стряпанье настоящей Итальянской кухни, а у нея въ отелѣ готовятъ не по ея вкусу. Обѣдъ горничныхъ такъ ей понравился, что она просила дозволенія придти къ нимъ на слѣдующій день, и такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней ея пребыванія въ Миланѣ, она отправлялась обѣдать туда на фу-фу. Она была легка, какъ говорится, на подъемъ до глубокой старости, и въ 50-ыхъ годахъ, когда ей было около 70 лѣтъ, она не утратила предпринять поѣздку въ дальнюю Сибирь, для свиданія съ своимъ братомъ, декабристомъ. Эту поѣздку совершила она почти понапрасну; потому что вскорѣ по ея возвращеніи оттуда, князь Сергѣй Григорьевичъ, вмѣстѣ съ остальными декабристами, былъ прощенъ, и всѣ они возвращены въ Россію. Соблюдая въ теченіе многихъ лѣтъ строгую во всемъ экономію, при значительномъ состояніи, она успѣла накопить порядочные весьма капиталы, которые завѣщала не сыновьямъ своимъ, а внучатамъ, на томъ-де основаніи, что сыновья могутъ промотаться и ничего не оставить своимъ дѣтямъ: предусмотрительность весьма благоразумная.

Хотя неоднократно уже говорилъ я о великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, но приходится кое-что еще о немъ добавить. До чего доходила у него фронтманія, можно судить по слѣдующему случаю, ко-его я былъ свидѣтелемъ. Разъ, когда я обѣдалъ у Ю. Θ. Мпиквица, гдѣ также былъ молодой гвардеецъ графъ Канкринъ, принесли послѣд-нему дневной приказъ по полку, при прочтеніи коего онъ соскочилъ съ мѣста и передалъ намъ сущность приказа, заключающуюся въ томъ, что дѣлалось замѣчаніе полковому командиру отъ имени его высоче-ства за то, что на вчерашнемъ спектаклѣ въ большомъ театрѣ рядо-вые вѣреннаго ему полка, во время маршировки на сценѣ (ихъ звали, кажется, по театральному термину *статистами*, и они представляли Римскихъ или Греческихъ воиновъ) *или не въ ногу*. Le vrai peut quelque fois paraître invraisemblable ¹⁾. Я слышалъ, что Елена Павловна говорила, что она не можетъ не удивиться неутомимости и терпѣ-нію порфиророднаго ея супруга, столь упорно помогающагося невоз-можнаго философскаго камня, ибо таковымъ-де должны быть пѣшая выправка и игра носка. По случаю сооруженія арки, соединяющей Сенать съ Синодомъ онъ сказалъ, «что г.г. сенаторы *подарками* (подъ-арками) живутъ; а по случаю брака нынѣшняго императора онъ ска-залъ про великую княгиню (нынѣ императрицу), что она *даромъ итатская* (Дармштатская), а выходитъ за военнаго. Однажды, на ука-заніе къ-то изъ его приближенныхъ на щегольскую упряжь герцога Лейхтенбергскаго ²⁾, онъ состриль: Oui, un bel attelage, un *beau harnois* (Beauharnais). Въ другой разъ, показывая одинъ изъ кадетскихъ кор-пусовъ какому-то Французскому знаменитому туристу (виконту д'Ар-ленкуру или Мармьё), великій князь сказалъ: «Vous voyez là mes ca-lets, et je puis vous dire que ce ne sont pas les *cadets de mes soucis*» ³⁾.

¹⁾ Вѣрное можетъ иной разъ казаться невѣроятнымъ.

²⁾ Отецъ герцога—принцъ Евгений Богарнѣ.

³⁾ Извиняюсь передъ читателемъ въ невозможности перевести съ толкомъ эти два послѣдніе кадамбура по русски. Я уже говорилъ, что великій князь называлъ стараго принца Виртембергскаго „mon oncle le grand pontife, потому что онъ былъ начальникомъ инженернаго вѣдомства („ponts et chaussées“), а по латыни „pontifex“ значитъ первосвя-щенникъ и строитель мостовъ. Но это не мѣшало ему называть другого своего дядю, у котораго на лбу была шишка, дяденькой Лунацинымъ (отъ слова loupe, шишка).